

**УЗНИК
Гумана**

Мария Пунёва

Бессоны

Мария Лунёва

Узник тумана

«Мария Лунева»

2020

Лунёва М.

Узник тумана / М. Лунёва — «Мария Лунева»,
2020 — (Бессоны)

«...Есть вещи, которые просто ненавидишь интуитивно. Я не могу смотреть на огонь, туман вызывает дрожь в ногах. Но мне приходится с этим жить день изо дня. Поднимая голову, я всё время пытаюсь представить, как выглядит солнце, облака, тучи и дождь. Всё то, о чём рассказывал мне в детстве отец. Но, увы, моей фантазии на это не хватало. Сложно нарисовать в голове образ того, чего никогда не видел...»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	49
Глава 16	52
Глава 17	55
Глава 18	58
Глава 19	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мария Лунёва

Узник тумана

Пролог

Ступая босиком по сырой холодной земле, я прислушивалась к каждому шороху. Сердце билось в груди так быстро, что, казалось, оно выпорхнет птичкой. Так страшно мне не было никогда.

Стирая с глаз слезы, храбрилась и старалась не быть трусливой девочкой. Нужно идти вперёд, быть смелой и не плакать.

Слёзы, они для слабых, а я очень сильная.

Хруст сухой ветки под ногами заставил замереть. Затаив дыхание, тихо выдохнула. Вся бравада вмиг рассеялась, по щекам снова потекли крупные слезинки.

Нет, мне было страшно, жутко просто.

Крадучись, я сделала ещё несколько шагов вперёд и, вскрикнув, присела.

Над головой взлетела птица, громко хлопая крыльями.

Отец приказал бежать и не оглядываться. Спрятаться как мышка и ни за что не покидать своего укрытия.

Но куда сбежишь в тумане?

Я слушалась его.

Впервые.

Папе нужна моя помощь. Жрицы, они пришли за мной... Хотят снова забрать меня в тот белый храм, где нельзя говорить.

Кто они, эти женщины в белоснежных одеждах, я не понимала до конца, но помнила, что они самое большое зло, которое только может водиться здесь.

Они жестокие, подлые и всегда недовольные.

Впереди громко затрещали ветви кустарника, и туман выпустил из своих молочных объятий одинокую фигуру.

Я уловила сладковатый запах гниения.

Мертвяк.

Его заметно шатало в разные стороны.

Присев у толстых корней дерева, я притаилась.

Мыча, мёртвый прошаркал совсем рядом, подволакивая ногу. Из его бедра некрасиво торчал кусок жёлтой кости, прорвавший ткань штанов.

Досчитав до двадцати, я поднялась и выглянула на тропинку из-за широкого ствола анчара.

Ушёл.

Похвалив себя за смелость, тихонько двинулась вперёд в густую пелену тумана.

Там, над сухими кронами деревьев, виднелся древний храм. Вот только добраться до белоснежных стен можно было лишь вплавь. А я жутко боялась воды и того, что скрывают её глубины. Но любовь к папе была сильнее.

Осторожно ступив в воду, задрала подол простенького серого платяца. Но оно всё равно намокло. Тяжело вздохнув, я заходила всё глубже, пока не поплыла.

Мне было так страшно и холодно.

Зубы стучали, не попадая друг на друга.

Что-то склизкое касалось ступней.

Плача и дрожа от ужаса, я продолжала грести к храму.

Казалось, я никогда не доберусь до него. Силы покидали меня. Отчаявшись, била по воде руками.

В какой-то момент моя нога нащупала илистое дно. Оттолкнувшись от него, я сделала ещё один рывок и, наконец-то, смогла встать.

Доплыла!

Утерев слёзы, обняла себя за плечи.

Куда дальше?

– Папа, – облачко пара вырвалось из моего рта. – Папочка, ты где?

На втором ярусе храма загорелись огоньки. Это единственное, что я могла рассмотреть в темноте.

Не сдерживая рыдания, побежала туда. Ноги утопали в прелой листве. Наступая на колючие ветки, чувствовала боль, но это не останавливало меня. Я стремилась найти того, кто был дороже всего на свете.

– Папа, – шептала я дрожа.

Туман, стелясь по земле волнами, отступал от моих стоп.

Звуки. Впереди громко говорила женщина.

Этот голос и непонятные слова пугали ещё больше.

Перебегая от дерева к дереву, я пыталась подобраться ближе.

Наконец, подбежав к белоснежной мерцающей в темноте стене храма, прижалась к ней.

Холодно.

Страшно.

Туман ластился к моим ногам, отскакивая каждый раз, стоило мне сделать шаг. Опустившись на колени, я поползла вдоль стены. Моё присутствие скрывал редкий кустарник и тьма. Добравшись до угла, выглянула.

На небольшой поляне стояло около двадцати женщин. Белые тряпки на их плечах трепал ветер. Жрицы!

Я помнила их. Держа в руках факела, они все как одна смотрели на мужчину, привязанному к толстому столбу.

– Папа, – хрипло выдохнула я.

Он зло взирал на жриц. Я ещё никогда не видела на его лице столько ярости.

– Этим ты ничего не добьёшься, старая тварь, – голос папочки звучал уверенно. – Моя дочь – твоя погибель. Это её судьба!

– Я тут решаю, у кого какая судьба, – высокомерно заявила старуха. Она напоминала мне сухую тощую крысу. – Твоя девчонка выполнит то предназначение, что уготовила ей я. Мне нужно её тело.

– Не тронь мою девочку! – отец забился, пытаясь ослабить верёвки, а они только смеялись, видя его беспомощность.

В моём сердце появились чувства, которых я раньше никогда не знала.

Ненависть, злоба, желание причинять боль.

Всматриваясь в родное лицо, я пыталась запомнить каждую его морщинку, цвет глаз, их выражение.

– Они заплатят, папа, – прошипела я.

К столбу подтаскивали связанный хворост, раскладывая по кругу. Я понимала, что они хотят сделать. Впиваясь ногтями в землю, сжимала её комья, возвращая в себе лютую ненависть. Страх отступал, словно пристыженный, он утопал в глубинах моей души.

– Я вырасту, папа, и найду способ. Они умрут. Все!

– Поджигай! – этот приказ заставил меня вздрогнуть.

Поляну осветило яркое пламя. Отец молчал. Я видела, какую боль он испытывает. Как огонь лижет его ноги. Как медленно заходится одежда.

Жуткий вой оглушал.

Я кричала и за себя, и за него, выплёскивая весь ужас, страх, злость...

И ненависть!

Кто-то схватил меня за плечо. Развернувшись, я впилась в чужую руку, кусая до крови.

Мне понравился её солоноватый металлический вкус.

Оттолкнув меня, женщина в белом застыла изваянием.

По её кисти стекали яркие бордовые полосы.

Облизавшись, я громко расхохоталась.

Я смеялась сквозь слёзы и страх.

Хохотала назло им – жрицам древнего храма Танука.

– А вот и наша пропавшая послушница, – раздалось надо мной. – В подземелье её.

– Она способна говорить, – прошептала укушенная, обтирая руку об подол белого платья.

– Ничего, ещё одна «печать безмолвия» заставит её умолкнуть навсегда.

Меня схватили за руки и скрутили. Но я не сопротивлялась. Обернувшись, наблюдала, как догорает костёр.

– Папа, – это последнее слово, что я произнесла за долгие годы, но речь не забывала.

Всё, чему меня учил отец, бережно хранилось в памяти.

Глава 1

Есть вещи, которые просто ненавидишь интуитивно. Я не могу смотреть на огонь, туман вызывает дрожь в ногах. Но мне приходится с этим жить день изо дня.

Поднимая голову, я всё время пытаюсь представить, как выглядит солнце, облака, тучи и дождь.

Всё то, о чём рассказывал мне в детстве отец. Но, увы, моей фантазии на это не хватало. Сложно нарисовать в голове образ того, чего никогда не видел.

Оперевшись руками о подоконник, выглянула из окна, расположенного всего в метре от земли. Сильный порыв ветра тут же бросил горсть влажного песка мне в лицо. Бушуя, он гонял по земле почерневшие опавшие листочки кустарника, веточки и одинокий розовый лепесток.

Водяная лилия, не иначе.

Все остальные цветы уже давно отцвели.

Холодало, ветер набирал силу, но это не заставило меня закрыть ставни. Несмотря на непогоду, туман был спокоен. Он настораживал своей безмятежностью, словно хищник, притаившийся за ближайшими деревьями и выжидающий неосторожную жертву.

Прикрыв глаза, я вслушивалась в тихие шорохи природы, и ждала «боя»: момента, когда дверь в нижний ярус распахнётся, и появятся жрицы. Как обычно, они поднимут жуткий шум, стуча палкой о металлический щит. Этот звук выходил глухой, но такой противный. Зубодробящий.

Стоило мне подумать об этом, как по полу потянул сквозняк.

Вот и подземелье проснулось, значит, новый день настал.

Устало вздохнув после очередной бессонной ночи, громко зевнула. Мне нравился этот звук, потому как издать другие я была неспособна. Моего острого слуха коснулся протяжный скрип открывающихся дверей нижнего яруса.

Я поморщилась, храм наполнял липкий сладковатый запах тлена.

Никогда не понимала, как жрицы могут добровольно жить под землёй, как они засыпают там. Словно в могиле, заживо погребённые. В полном мраке. В комнатах без окон, без глотка свежего воздуха. Как их не мучает тяжёлая, почти осязаемая вонь плесени.

Меня передёрнуло.

Где-то вдалеке послышался одинокий вой.

Там проходила граница туманного мира, и начинались деревни.

Кто в них проживал? Люди? Гуроны? А, может, и мертвяки. Где-то же они должны обитать.

У всех должен быть дом. Во всяком случае, я хотела, чтобы так было.

Снова выглянув в окно, заметила крадущуюся под стенами послушницу. Присмотревшись, признала в ней малышку Клэти. Похоже, она опять проснулась посреди ночи и решила прогуляться. Забыла, наверное, где она. С ней такое бывало. Высунувшись в окно, я громко хлопнула. Она замерла и обернулась. Нашла меня взглядом и разрыдалась. Ну, как дитя.

Как есть, потеряшка.

Махнув рукой, подозвала её к себе и помогла забраться в комнату. Она беспомощно показывала свои грязные руки, растирая ими заплаканное лицо.

«Ничего, бывает» – беззвучно произнесла я губами.

Подведя девушку к тазу, помогла умыться, а после вывела в коридор. Сгорбившись, Клэти побрела в свою комнату. Ей становилось всё хуже. Скоро она совсем потеряет связь с реальностью, и не приведи светлые души тумана, её поведут вниз в подземелье.

Меня снова передёрнуло, но на этот раз всё же от холода.

А, может, и нет.

Я ненавидела даже подходить к дверям, ведущим в сердце храма, хотя мне и приходилось туда спускаться дважды в неделю на работы в погребах и в библиотеке. Последнее казалось мне сущим наказанием. Этот запах тления и сырости, и чего-то неуловимого, но жуткого. Все боялись библиотеку, словно там притаилось само зло.

Но более всего ужас на послушниц наводил алтарь, расположенный на самом нижнем третьем ярусе.

Алтарь, к которому мы спускались несколько раз за всю жизнь: пройти посвящение, зачать ребёнка и родить его.

Такой путь послушниц.

Некоторые девушки, кому не повезло родить сына, спускались туда снова и снова пока стены храма не огласит плач их девочки.

А сыновья?

Мои руки сжались.

Этого я боялась больше всего – родить сына.

И не только я одна: наверное, это ужас для каждой девушки-послушницы, ведь тогда малыша заберут и увезут за небольшой остров, над которым всегда клубился смертельный туман. А дальше...

Мы надеялись, что малышей забирают жители ближайших деревень. Лелеяли эту веру. Хоть сомнения и терзали наши сердца.

Пару раз я находила свитки, в которых было указано, что там, на том острове, расположен древний алтарь. Но никто его не видел. Туман не пускал.

Никого. Никогда.

Из коридора раздался «бой».

Нас призывали к подъёму.

Оставив в покое свои невесёлые думки, я подошла к стене, чуть отогнула висевшую на ней тёмную изъеденную сыростью тряпку, которая некогда называлась гобеленом, и, взяв нож, начертила ещё одну палочку.

Так по дням я отмеряла свой возраст, с ужасом понимая, что недалёк тот час, когда мне придётся спуститься со жрицей в алтарный зал и пройти ритуал зачатия с тем пленным, на которого укажет старуха, только так я про себя называла верховную этого храма.

Мерзкий обряд. Неправильный. Но слово старухи неоспоримо.

С каждым годом моя ненависть к этой женщине только росла, съедая мою душу и отравляя жизнь. Но это же чувство помогало мне удержать свой рассудок в этом мире и окончательно не сойти с ума.

В верхнем наземном ярусе храма оживились послушницы. Вечно царившей тишине загремели тазы для умывания, раздалась шага и заскрипели крышки сундуков.

Я же уже ополоснула тело и оделась.

На моих худых плечах тряпкой висело серое платье послушницы. Короткий шерстяной плащ я по привычке перевесила через довольно длинную ручку двери, чтобы не забыть выходя.

Поправив покрывало на кровати, прошлась по узкой комнатке и села на сундук. Больше мебели здесь не наблюдалось.

Закрыв ладонями лицо, вспомнила наш дом с отцом. Столько лет уже прошло, а боль не утихала. Разум цеплялся за каждое воспоминание, скрашивая мрачные будни.

Если бы не «печать безмолвия» я вопила бы от лютой ярости.

И, может быть, мне стало бы легче. Но нет, со дня смерти отца я не проронила ни слова.

Хлопнула первая дверь, за ней – вторая.

Больно прикусив нижнюю губу, снова выглянула в окно. Старенькие, но ещё крепкие длинные узкие лодки стояли у берега, ожидая послушниц.

Каждое утро мы отплывали на них в туман, блуждали по устью реки, впадающей в бескрайний океан, и добывали провизию. Змеи, рыба, мелкие животные, редкие птицы. Водоросли, но за них нас больше ругали. Поэтому они шли в ход, если уж совсем ничего не нашли.

Иногда нам попадались черепахи.

Но это была такая редкость.

А порой... мы сами становились добычей. И кто-то из нас не возвращался.

Но каждый год гуроны пригоняли новых девушек и меняли на пленных: тех несчастных путников, что ловили жрицы. Как правило, это были мужчины. С ними обращались как со скотом. В основном они нужны были для ритуала зачатия, а после – как разменная монета дикарям.

Этих разукрашенолицых я ненавидела особенно люто.

Бездушные твари. У женщин, что они пригоняли сюда, наблюдалось лёгкое безумие. Всегда. Часть их умирала в первые дни. К берегу возвращались пустые лодки. Имена девушек так и оставались неизвестными. Безымянные жертвы тумана.

На улице раздался звонкий одиночный удар. Колокол!

Моргнув, я поняла, что опаздываю. Метнувшись к двери, схватила плащ и понеслась на выход. Наверху кто-то истерично закричал. Один из пленных. А сегодня к вечеру жрицы должны были вернуться с новыми жертвами. Чтобы им нарваться на неуспокоенных.

Выбежав на улицу, понеслась к своей лодке. Около неё уже стояла младшая жрица. Заметила же, что я замешкалась. Под её тяжёлым взглядом, я прошла до кромки воды и перелезла через бортик своего шаткого судёнышка. Потянулась за веслом. И тут же ощутила хлесткий удар прутиком по спине. Зашипев, я мысленно выругалась самыми крепкими словами.

Боль ослепила, но быстро схлынула. Оскалившись, я легко поддалась ярости.

Глава 2

Мне потребовалось несколько долгих мгновений, чтобы взять себя в руки. Красная пелена ярости, застилающая глаза, рассеялась, и я смогла сделать глубокий вдох.

– Ещё раз опоздаешь, Сонья, я с тебя шкуру спущу, – прошипела надо мной пожилая жрица.

Туман медленно отполз от моих ног, словно испугавшись.

На кончиках пальцев появился тусклый свет, робко прося дозволения спалить эту гадину дотла. О, как я хотела выпустить его и заставить эту...

Я снова сделала глубокий вдох.

Свет на моих ладонях погас, будто и не было его вовсе.

Распрямившись, я взглянула жрице в глаза, пытаюсь хоть так передать ей всю свою ненависть. Она и не подозревала, как близко ходит её смерть. С каждым днём мне всё сложнее было удержать своё безумие.

– Что зыркаешь, лютая, скоро твой день настанет, – захохотала дряхлая тварь. Жиденькие волосёнки сосульками свисали с её головы, обрамляя дряблое лицо. Тонкие сухие губы кривились. – Ляжешь под мужика, как и всё прочие. Вы послушницы только для того и нужны.

Я оскалилась в ответной улыбке.

«Сдохни» – чётко произнесла одними губами.

Она меня прекрасно поняла. Затряслась. Сморщенное лицо исказил гнев. Размахнувшись, жрица ударила меня хворостиной снова. И снова. И снова...

Удары сыпались градом на моё тело, я же звонко смеялась, понимая, насколько она бесильна и беспомощна.

– Тлара! – появление верховной жрицы только ещё больше распалило мой гнев. – Сколько раз тебе говорено, не тронь её тело.

Младшая жрица опустила руку и отошла, виновато склонив голову.

Не дожидаясь развязки, я схватила весло и с силой оттолкнулась от берега.

Конечно, я знала, что никто не бросится вдогонку, потому как буквально в шаге начался обрыв и глубина там по горло.

Кто же туда полезет, в тот омут? Никто.

Спокойно сев на банку, крепче ухватилась за весло.

Верховная, открыв рот, так и замерла на берегу, не смея приказывать мне вернуться. Знает, тварь дряхлая, что я не слушаюсь.

Младшая жрица же обернулась, я по взгляду поняла: она у меня улов принимать будет.

И отыграется. Костью ляжет, но добьётся моего наказания.

Кровь из носу, а чего-нибудь мне поймать нужно. Нет, физической расправы я не опасалась. Но были и иные наказания: оставят на ночь, привязанной к столбу у воды, или погонят в библиотеку, а, может, и на нижние склады.

А быть так рядом с этим проклятым алтарём я была не готова.

Сев ровнее, всё же не удержалась и показала Тларе свои зубы, демонстрируя клыки. Её передёрнуло. Костлявые морщинистые ладони сжались в кулаки. Злитесь, гадина.

Усмехнувшись, я выровняла лодку и легко поймала течение.

Медленно оно вынесло меня на середину реки.

* * *

Туман стелился над самой водой. Клубился словно живой, огибая препятствия. Медленно расступаясь, он выпустил из своих объятий тонкий ствол дерева. И ещё один. И ещё...

Затопленный лес!

Это немного озадачило.

Работая одним веслом, я пыталась сориентироваться и понять, где я.

По внутреннему ощущению уже полдень, а я не нашла ничего хоть сколько-нибудь пригодного в пищу. Даже зарослей водорослей, которых чуть подальше от нашего острова было в избытке, и тех мне не попадалось.

Словно вымерло всё.

Мне становилось не по себе. Мурашки щекотали затылок.

Перестав грести, притаилась. Даже не дышала.

Лодка не двигалась. Её медленно крутило на месте.

Крепче схватив весло, я принялась активно им работать. Но моё судёнышко всё одно – возвращалась к торчащим из воды покрытым зелёными наростами стволам.

Понятно! Меня просто водило по кругу.

Это означало только одно – я заплыла в смертоносный туман.

Течение порой бывает таким коварным.

Взяв ориентир на торчащие из воды крайние затопленные деревья, подплывала к каждому и ножом делала острые насечки.

Время. Оно играло против меня.

Вокруг стелился тяжёлый молочный туман, и чем дальше я гребла, тем гуще он становился. Вытянув руку, с трудом различила очертания ладони.

А мгла всё сгущалась.

Моё платье отсырело, по лицу стекали капли воды. Казалось, я могу просто схватить эту дымку и выжать.

В какой-то момент подумала, что всё – это конец. Что обратной дороги мне больше нет. Но страх не пришёл, только усталость.

А ещё желание завывать.

Закрыв глаза, прислушалась.

Туман безмолвствовал. Ни птиц, ни всплеска рыбы. Ни шороха ветвей.

Мир затаился и выжидал. Замер, с интересом наблюдая за немой охотой.

Да только жертву туман выбрал не ту.

Поднявшись с банки и не выпуская весло из рук, я глубоко вдохнула и выдохнула. А затем медленно подалась корпусом вперёд и выпустила свой свет. Яркая вспышка разорвала пространство. В груди стало невыносимо больно.

Магия жизни прожигала мою душу, но давала надежду на спасение.

Свет искал себе подобных.

Белых, что являлись на мой зов.

Силы были на исходе, когда впереди, всколыхнувшись, появился призрак. За ним выплыл из молочного марева ещё один, и ещё. Окружив лодку, они мягко подтолкнули её чуть в сторону.

Быстро упав на лавку, я принялась грести туда, куда указывали души мёртвых.

Что-то влажное покатило по моей щеке.

Слёзы.

Я давно перестала обращать на них внимания.

Сейчас я хотела просто ещё немного пожить и не становиться одной из этих чистых сердцем, что навсегда поработил туман.

Кто они?

Души послушниц, что погибли в этих водах.

Путники, сбившиеся с пути.

Я никогда не вглядывалась в их лица, боясь, что не забуду их облик.

Призраки кружили вокруг меня, не давая сбиться с верного пути.

Я проплыла рядом с деревом, на котором виднелась моя свежая насечка. Мне стало ясно, я изначально выбрала неправильный путь.

Лодка скользила по реке в полном безмолвии.

Подняв взгляд, поймала себя на том, что слежу за плавными движениями светлых. Души будто водили хоровод, то поднимаясь выше к кронам деревьев, то опускаясь к самой воде.

Улыбнувшись, чуть не выронила весло, но быстро спохватилась, крепче вцепившись в него.

Туман рассеивался и, наконец, мы выплыли на относительно чистый участок воды.

Светлые, сделав ещё один круг вокруг лодки, взвились вверх и исчезли где-то в туманных небесах.

«Спасибо» – безмолвно шепнула я одними губами.

Но им не нужны были мои слова. Они спасали своих. Я понимала, что когда-нибудь присоединюсь к ним. Это моя судьба и иначе не будет.

Но это потом...

А сейчас мне нужно было поймать хоть пару рыбёшек.

Глава 3

Раз за разом закидывая в воду плетёную верёвку, на конец которой был привязан довольно острый крючок с насаженным на него кусочком несвежей рыбы да совсем тупое остриё ножа, служившее грузилом, я ждала хоть какого-нибудь намёка на поклёвку.

Но палочка-поплавок, словно издеваясь надо мной, оставалась неподвижна.

Раздражаясь от неудач, я в очередной раз вытащила из воды свою самодельную снасть и поджала губы. Вспомнился взгляд жрицы, что она послала мне «в спину». От него становилось откровенно страшно.

Вернусь ни с чем, и меня выпорют.

Даже верховная не остановит.

Есть правила, которые нарушать никому нельзя. Послушница должна вернуться с добычей или сгинуть в тумане.

Обтерев ладонью лицо, покрутила в руках тупое лезвие. Нужно было что-то придумать. Но вариантов особо и не было. Задрав платье, ухватилась за и без того короткий подол сорочки. Надорвав зубами ткань, оторвала узкую полоску. Я делала это и раньше, и не раз. Обмотав ткань вокруг грузила, тяжело вздохнула.

Я очень рисковала, но по-другому мне просто не вернуться в храм.

Возможно, именно так и погибали другие послушницы. Понимая это, я всё же выдернула из-под лавки, на которой сидела, небольшой нож. Зажмурившись, полоснула им ладонь и прижала её к лоскуту ткани. Она стремительно окрашивалась в бордовый цвет.

Рана щипала и дёргала.

Но я терпела, уверяя себя, что так надо.

Это, чтобы выжить! Чтобы у меня был ещё один завтрашний день.

Наконец, убрав кровоточащую ладонь от грузила, размахнувшись, закинула снасть в воду и замерла, прожигая взглядом простую палочку. Я молила её дёрнуться. Но всё тщетно. Рыбы не было.

Непонятно откуда подул пронизывающий ветер.

Палочка качнулась и замерла.

Крепко сжимая верёвку, я почувствовала слабый рывок. Ещё один.

Запрещая себе верить в удачу и надеяться на улов раньше времени, я резко дёрнула и потащила снасть. Шла она тяжело. Несколько раз мне приходилось ослаблять верёвку, чтобы не порвать. Наконец, над поверхностью показалось белое брюхо крупной клыкати. Проклиная свою удачу, я подтащила рыбу ближе к борту лодки. Змеевидное тело извивалось, не позволяя мне ухватить свою добычу под неострые жабры или за глаза.

Одно неловкое движение, и эта тварь намертво впиалась в мою кисть. От резкой боли я зашипела и, схватившись второй рукой за добычу, надавила ей на глаза, втаскивая в лодку. Клыкати продолжала сжимать челюсти, грозясь оставить на моей коже ещё пару шрамов, коих там и так было в избытке. Нашупав под банкой короткую дубинку, выдернула её левой рукой и без сожаления нанесла удар по голове рыбы.

Эти твари на моих глазах однажды тонущую послушницу сожрали.

Мы даже подплыть не успели, как они, вцепившись ей в лицо и обвив шею, уволокли на дно. Только вода, окрашенная в алый цвет, бурлила, прямо намекая, какой пир там творится.

От этого воспоминания мне стало не по себе и я ещё раз двинула твари по голове, чтобы наверняка.

Клыкати обмякла и разжала челюсти.

Выдернув из её пасти крючок, насадила на него кусочек дурно пахнувшего мяса её же сорочича.

И снова ожидание.

Порывы ветра создавали на воде рябь. Туман рассеялся, и показались лодки. Они плыли в полной тишине. Взявшись за весло, я приготовилась спешно удалиться с этого места. Причиной тому были те, кто сидел в этих ветхих судёнышках.

Мёртвые.

Нет, не те неразумные умертвия, что слоняются по лесам, и не утопленники, что порой, мыча, ползают на отмелях. Этим коренных жителей тумана называли «обречённые».

Много ходило вокруг них легенд.

Не раз я раскрывала свитки, в которых рассказывались истории о целых деревнях, которые захватывал смертоносный туман. Их несчастные жители просыпались наутро мёртвыми. Все как один: и старики, и дети.

Время шло, их тела усыхали, но они продолжали мыслить, чувствовать, порою даже сострадать.

Я не особо боялась обречённых, но всякое бывает. И среди них хватает последователей Танука, которым за честь возложить на алтарь живую.

Внимательно следя за караваном лодок, пропустила момент поклёвки. Только когда верёвку дёрнуло, я опомнилась и, выпустив весло, тихо рванула её на себя. Всплеск воды, и один из обречённых обернулся, заметя меня. В его пустых глазницах вспыхнул зелёный огонёк.

Я скорее инстинктивно продолжала тянуть верёвку на себя. Рыбина снова показалась на поверхности и сделала «свечку».

И снова громкий всплеск воды.

Мёртвый покачал головой и поднёс к безгубому рту палец, призывая меня к тишине. Замерев, я разжала руки и позволила своей добыче уйти на дно. Палочка продолжала дёргаться, давая мне понять, что рыба ещё на крючке.

Наконец, последняя лодка скрылась в тумане. Скорее по привычке я досчитала до двадцати и выдохнула.

Вцепившись в верёвку, взмолилась, чтобы рыба не ушла под коряжник. Тогда я потеряю и крючок, и грузило. Осторожно выуживая свою добычу, непроизвольно озиралась по сторонам. Непокойно на душе было.

Туман, то напознал на нос лодки, то медленно пятился назад.

Подтащив к борту некрупную клыкату, не стала рисковать и, размахнувшись, ударила её дубинкой.

Затащив рыбу в лодку, сплюнула от досады. Крючок эта зубастая заглотила знатно. Пришлось хорошенько повозиться, чтобы выдернуть его обратно.

Утерев ладонью влажное лицо, устало вздохнула. Определённо сегодня не мой день. На дне лодки лежало всего две клыкаты. С таким уловом радушно меня не встретят.

Я снова забросила снасть в воду.

Ещё дважды мне посчастливилось выудить длинных змеевидных рыбин, размером, правда, они были поменьше первой.

Возвращалась в храм я не с пустыми руками, но, к сожалению, последней.

Все лодки уже стояли, привязанные к колышку у берега. Кажется, наказания мне не избежать, а если я ещё и привезла меньше всех, так и вовсе показательно выпорют за лень.

Глава 4

Нет, мне не повезло.

Подплыв к безмолвному берегу, спрыгнула в мутную воду и, кряхтя от натуги, вытащила лодку на илистый песок. Порез на ладони ныл, подол серого платья намок, но меня волновало сейчас не это. Привязывая лодку к столбику, наблюдала, как ко мне спешат младшие жрицы. Ещё надежда была на улов, но по их лицам видела – жестоко накажут.

Прищурившись, я со стороны наблюдала, как они вытащили клыкатку, разложили рыбу на земле и принялись о чём-то активно перешёптываться.

Правда, слов их я не разбирала.

Моего слуха коснулось иное – тихое шептание из Тумана. Словно песнь, успокаивающая и даже убаюкивающая.

Плеск беспокойных волн, крик одинокой птицы.

– Почему так мало? Ты вернулась последней с большим опозданием, – чужой крикливый голос врзался в моё сознание. Моргнув, я уставилась на младшую жрицу. – Ты что оглохла, послушница? – вопила она. – Ты опоздала на ужин.

Её лицо перекосила злоба. Я слышала её визг, видела, как шевелятся тонкие бесцветные губы, но не могла понять, о чём она толкует. Вскинув голову, уставилась на туманное небо. Я снова расслышала всплеск волн. Это странно взбудоражило.

– Тебя накажут! – меня дёрнули за руку. – Десять ударов розгами за нерасторопность.

Они ждали мою реакцию. Наверное, думали, что испугаюсь или разозлюсь, а, может, расплачусь и стану молить их о пощаде. Но меня практически не задели слова жриц. Выпорют, ну что же, потерплю.

Туман за клубился у моих ног.

Увидя это, женщины слаженно отпрянули.

Это всегда так смешило: они всю жизнь прожили в стенах этого храма и так и не научились отличать смертоносную магию от простой дымки.

Улыбнувшись, я взглянула на их перекошенные рожи.

Жриц передёрнуло, схватив клыкатку, они потащили её на кухню. Оставшись стоять у лодки, я ждала своё наказание.

Над водой поднималась молочная пелена. За подтопленными деревьями взметнулась чистая белая душа. Раскачиваясь словно птица, она воспарила ввысь. И снова этот шёпот, словно десятки голосов пытались сообщить мне о чём-то важном. Казалось, я слышу слова, но не понимаю их смысл.

– К столбам её, – ко мне подскочили жрицы, и, скрутив руки, повели к месту порки.

Я не сопротивлялась, казалось, моё сознание покинуло тело. Вглядываясь в небо, видела светлых.

«Сияющие» – мои губы тихо зашевелились.

– Что это с ней? – негромко поинтересовалась одна из женщин.

Опустив взгляд, я заметила на её переднике свежую кровь.

«Кто-то умер...»

Закрыв глаза, поняла, что в храме сегодня оборвалась чья-то жизнь.

– Нынче все ведут себя странно, – пробурчала жрица. – Эту лучше привязать к столбам и быстрее выпороть, чтобы не учудила ничего, как Клэти.

Зацепившись за имя, я с болью в сердце воскресила образ послушницы, которая часто бродила по ночам вдоль стен храма. Клэти забывала порой, кто она и как тут оказалась. Плакала, безмолвно зовя кого-то губами. Молодая добрая девушка, что однажды привезли сюда гуроны. Да, она была не в себе, но её безумие никому не мешало. Или всё же я неправа?!

Повернув голову, впилась тяжелым немигающим взглядом в одну из жриц.

– Что зыркаешь, лютая, – окрысившись, зарычала она. – Это за лень тебе. И так забот полный рот, ещё и твою лодку высматривай. Верховная с нас три шкуры сдерёт, если с тобой, убогой, что случится. Так что получишь розгами и запомнишь что нужно не прохлаждаться там, в тумане, а еды добывать.

«Клэти?» – произнесла я чётко губами.

– На алтарь сбросилась, – пробурчала другая пожилая женщина. Её водяные рыбы глаза избегали прямого взгляда. Словно она была в чём-то виновата.

Горько усмехнувшись, я позволила привязать себя к столбу. Спротивляться было бесполезно. Ещё девочкой я часто брыкалась, кусалась, за что получала в два раза больше ударов. Сейчас же телесное наказание приносило только болезненное неудобство и не более.

Моргнув, я снова подняла голову вверх. Наблюдая, как над вторым ярусом храма одиноко парит белая душа, невольно горько улыбнулась.

«Прощай, Клэти».

Казалось, она услышала мой беззвучный шёпот. Тень легко спикировала вниз. Её рот широко раскрылся, но ветер донёс до меня только одну фразу:

«Они убили».

Оскалившись, я рванула вперёд, теряя рассудок. Убили! Беспомощную девушку. Твари! Нелюди!

– Лютая, уймись! – заверещал кто-то мне на ухо.

Но куда там. В припадке безумия я ударила рыбоглазую по щеке, оставляя кровоточащую царапину. Она взвизгнула и отбежала. Знала, на что я способна.

– Вяжи эту, одержимую, – вопили вокруг.

На меня налетели четыре жрицы. Я же, тяжело дыша, пыталась закричать, но «печатка безмолвия» словно раскалённым железом сжимала горло. Как же больно мне было.

Убили!

Девушку, что зла никому не делала. Что бродила за нами хвостиком, пытаюсь помощь. Чистую душу, что просто хотела жить.

Бездушные твари!

Я умом понимала, что не было у неё причин бросаться вниз с верхнего яруса. Клэти всегда держалась подальше от деревянных перил. Алтарь не действовал на неё. Не могла она пойти на такой отчаянный шаг сама. Ей помогли.

«Когда-нибудь вы ответите за всё» – я будто услышала свой шёпот и тут же ощутила во рту металлический привкус крови.

Это разом привело в чувство.

Закашлявшись, заметила бордовые капли на земле.

Меня подняли и привязали за запястья к столбам. Отойдя на шаг, женщины переглянулись. Они явственно видели кровь, капающую с моего подбородка. В их глазах читался страх.

– Десять ударов розгами, – скомандовала та, что грозилась мне расправой с утра. Искривив губы, я зло улыбнулась.

Душа Клэти медленно растаяла в тумане, шёпот умолк.

Лиф моего платья рывком опустили до талии.

Свист и спину обжёг удар. Пауза. Словно, чтобы продлить мучительную агонию.

Прикусив губу, я повернула голову в сторону реки, чтобы не видеть эти довольные рожи.

Всплеск волн. Из белёсой дымки проступили силуэты лодок. Жрицы возвращались с добычей.

Новый удар.

Закрыв глаза, я досчитала до пяти.

Ещё удар.

С глаз брызнули слёзы. Но не от боли, а от лютой злобы, что прижигала моё сердце. Казалось, душа покрывается льдом, неспособная что-либо чувствовать.

Ещё один удар.

Лодки причалили. Женщины громко переговаривались. А затем они вытащили на берег крепко связанного огромного мужчину.

Удар.

Я захрипела, ноги подкосились, но я всё ещё пыталась устоять.

Удар. Ещё один, но сильнее.

Не выдержав, опустилась на колени. Вскинув голову, наблюдала, как пленного повели в храм. Проходя мимо столбов, он скользнул по мне взглядом и остановился. Встал как вкопанный. Я видела в его холодных серых очах такую глубокую жалость, что мне стало стыдно за себя. Вздёрнув подбородок, я улыбнулась ему, пытаясь вложить в этот жест всю смелость, что во мне осталась.

Мою спину обжёг новый удар, но я не дрогнула.

Мужчина моргнул, словно это его стегали розгами. Его лицо подёрнулось странной дымкой. Это длилось мгновение, но я была так заинтригована, что пропустила очередной удар.

«Туманник» – мои губы зашевелились, по подбородку стекала капелька крови.

«Печать безмолвия» дала магическую трещину.

Он удивился, поняв, что я сказала и кивнул.

– Шевелись, – его сильно толкнули в спину. Но он не двигался, разглядывая меня. Его взгляд настойчиво ловил мой.

Ощувив последний десятый удар, я замерла. Из уголков моих глаз скатились крупные слезинки.

Мужчина оскалился. Отвернувшись, он пошёл вперёд.

Глава 5

Стоя на коленях, я всматривалась в белёсый туман. Темнело. Врата верхнего яруса храма с грохотом закрылись, оставляя меня снаружи.

Значит, так решили поиздеваться.

Закрыв глаза, я вслушалась в пространство вокруг себя. Как же странно тихо было, только вода плескалась, накатывая на илистый берег мелкими волнами. В низких оконцах храма медленно разгорались лучины. Мелькали бесформенные тени. Только моя комната продолжала быть тёмной.

Всплеск воды и снова тишина. Холодало.

Сверху упал мелкий камушек, подняв взгляд на второй ярус наземной части храма, обнаружила, что за мной наблюдают. В сумеречном свете я легко разглядела фигуру мужчины, застывшего у окна. На его шее сверкнул магический ошейник. Пленник внимательно вглядывался в моё лицо. Мне стало немного стыдно за спущенное платье. Хотя, скорее всего, он испытывает жалость и ему не до моих прелестей.

Тяжело вздохнув, я опустила голову.

Землю окутал мрак. Сейчас я была даже рада темноте. Взгляд мужчины нервировал. Он всё не отходил от окна, словно прикипел к нему.

Меня посетила странная мысль. А что если именно с ним верховная заставит пройти ритуал зачатия.

Меня передёрнуло, но странная тревога не отпускала. Думки одолевали, будто подсознание пыталось выдать мне некую идею. Я снова украдкой взглянула на пленного.

Смотрит.

Вот что ему нужно? Высоченный черноволосый красавец буквально дыры во мне прожигал. Я никогда не видела столь физически мощного человека.

Как его, вообще, пленили? Как такого могли одолеть женщины?

Я искренне недоумевала, но тут же вспомнила своего отца. Да он был не столь силён, но всё же иной, как и этот воин.

Жрицы знали способы справиться с теми, кто сильнее.

Их оружие подлость.

Скрипнула дверь, и ко мне поспешили две совсем юные послушницы. Улыбнувшись, девочки принялись спешно развязывать верёвки, всё время оглядываясь на воду.

Боялись появления мёртвых.

Но всё было спокойно. Наконец, мои руки опустились. Они так занемели и отекли, что мне было физически больно. Взвалив на свои плечи, послушницы потащили меня в храм. Подняв голову, снова поймала на себе тяжёлый взгляд пленника.

* * *

Оказавшись в своей комнате, умылась ледяной водой и легла на узкую твёрдую койку.

Сон не шёл, казалось, произошло что-то необычное, но я этого не заметила. Моя интуиция шептала быть осторожнее. Но где она, эта опасность?

Ночью мне снилась Клэти, она сидела на кухне и, чистя рыбу, открыто улыбалась нам. Она снова была жива и стремилась хоть чем-нибудь помочь. Я же смотрела на неё словно со стороны, понимая, что её уже нет.

Она никогда больше не сбежит из своей комнатки, не сядет тихо рядом с тобой возле ящиков с водорослями, не нарисует на дощечке смешную рожицу.

Клэти больше нет.

* * *

Из тяжёлой дремоты меня вывел противный звон.

Понимая, что пора просыпаться, я еле разлепила глаза. Голова раскалывалась от гудящей боли. К спине невозможно было прикоснуться. С трудом одевшись, я поспешила к своей лодке, но на выходе меня неожиданно остановила верховная.

– Соня, – я замерла, услышав этот ненавистный старческий голос, – ты почему вчера так долго прохлаждалась в тумане?

Поджав губы, вытащила из кармана чёрный уголёк и показала ей, намекая, что прежде чем у меня что-то спросить, впрочем, как и у любой послушницы, неплохо бы обзавестись дощечкой. Эта древняя карга словно специально каждый раз окунала нас в нашу ущербность, причиной которой сама и являлась. Эта она проводила над нами обряды. Она отнимала наши голоса.

Чтобы не плакали.

Чтобы не звали по ночам своих близких.

Чтобы не напоминали ей, что мы живые люди, испытывающие боль.

– Напиши на стене, доченьки потом вымоют.

Это её «доченьки» вызвало во мне такой гнев, что я готова была черкнуть угольком сейчас всё, что я о ней думала. Только она и сама это прекрасно знала.

– Пиши. Что же тебя задержало?

«Нашла только водоросли, – нацарапала я, солгав, – но хотела вернуться с чем-нибудь посущественнее».

– Ааа, – протянула она, – о сёстрах заботилась?!

«Мы же большая счастливая семья» – дописав последнюю букву, я придурковато хохотнула.

Жрица вмиг растеряла всю свою напускную доброту.

– Сегодня остаёшься в храме, – процедила карга сквозь зубы. – Сначала покормишь наших гостей, – это она так о пленных, догадалась я, – а потом спустишься на нижний ярус и займёшься с остальными уборкой кладовых.

«Клэти мало, ещё крови хотите?».

Жрица, молча, прочитала надпись и со скривлённым злобой лицом спешно стёрла её со стены, а затем, развернувшись, залепила мне звонкую пощёчину, заставив рассмеяться.

– Ты с каждым годом становишься всё безумнее. Тобой невозможно управлять, Соня.

Её слова прошли мимо. Я и сама понимала, что не вполне адекватна, но у моего лёгкого помешательства были свои причины. Это помогало мне выжить, только и всего. Развернувшись, я воротилась в храм и направилась на кухню.

– Я не отпускала тебя, Соня! – в ответ на крик старухи, я лишь махнула рукой. Да она могла сейчас меня наказать, но оно того стоило.

Мне нравилось отравлять её жизнь.

Нравилось смешивать эту каргу с грязью.

Я мстила ей, раз за разом окуная её мордой в свою ненависть.

На кухне уже стояли приготовленные миски с рыбной похлёбкой, в которой сиротливо плавали веточки разваренных водорослей.

Услышав тихое постукивание, я обернулась к послушнице – поварихе. Пожилая женщина кивком головы указала мне на отдельно стоящую деревянную миску, а затем взяла ложку и произнесла губами: «Ешь».

Медленно кивнув, я поспешила выполнить её указания. Раз она налила мне супа раньше всех, значит, есть вероятность, что еды я больше сегодня не увижу.

Я быстро работала ложкой, а она стояла в дверях.

Видимо, караулила, чтобы жрицы не заявились. В комнату вошла ещё одна женщина.

Смэка. Выдвинув стул, она мешком упала на него и замычала. Её к нам пригнали пару лет назад и уже в таком состоянии. Не знаю, что делали с ней гуруны, но женщина полностью потеряла связь с реальностью. Она не всегда понимала, что от неё хотят. Чудила. Бывало и мелко пакостила. Но мы умалчивали об этом, боясь, что она «случайно» упадёт на алтарь.

Доев, поднялась, но повариха махнула рукой, приказывая сесть на место. Отойдя от двери, она открыла передо мной ещё одну миску с рыбным мясом. А затем, достав дощечку, спешно написала:

«Не знаю, что ты сделала этой Тларе, но жрица решила тебя голодом поморить, чтобы покладистой стала».

Приподняв брови, я схватилась за миску и спешно съела всё, что дали. А уж потом, прихватив разнос, отправилась на второй ярус, где содержали пленных.

Боль в спине просто сводила с ума.

Глава 6

Поднималась по лестнице с тяжёлым сердцем. Перед глазами стоял образ из окна. Огромный мужчина. Северянин.

Открыв толстую дубовую дверь, ведущую в правое крыло, замерла. Моё сердце забилося чаще. Тяжело выдохнув, заставила себя сделать шаг, второй. Остановившись у первой решётки, всмотрелась в комнату. Пленный спал, свернувшись на узкой койке. Молодой южанин, совершенно безумный, но тихий. Он словно тень, мало на что реагировал.

Оставив ему суп, я развернулась.

В комнате напротив, сидя на лавочке у окна, дремал второй мужчина. Мысленно я звала его Счастличик. Он жил здесь уже больше пяти месяцев, гуроны не забрали его. То ли причиной была его эмоциональная опустошённость, то ли лишённая магии душа.

В общем, везучим оказался.

Мужчина добрый, иногда он был не прочь и поговорить, но чаще я замечала, как он часами сидит в одной позе и смотрит в туман. Порой на его глаза наворачивались слёзы.

В такие моменты я предпочитала отвернуться и уйти. Мне и своей боли было более чем достаточно.

Услышав мои шаги, Счастличик поднялся и подошёл к решётке. Сегодня у него было отличное настроение, какое-то приподнятое. Словно случилось что хорошее.

По правилам я должна была впихнуть ему тарелку через отверстие над полом, только это было уж слишком унижительно. Так кормят мертвяков. Поэтому раз за разом на свой страх и риск я открывала решётку и входила в комнату.

Щёлкнул замок, распахнулась решетчатая кованая дверь, которую придержал для меня пленный.

«Спасибо» – поблагодарила я, зная, что прочтёт по губам.

– Сегодня странно тихо, – прошептал он. – Почему не Смэка пришла? Где она?

Я пожала плечами.

– Вчера кто-то умер, да? – он прищурился, а я заметила тревогу на мужском лице. Смешанные чувства его одолевали.

Прикусив губу, подняла на него взгляд и медленно кивнула, ощущая, как по непонятной мне причине на глаза набегают слёзы.

– Кто-то из послушниц? – мужчина склонил голову набок, его взгляд остановился на моих губах.

«Клэти» – беззвучно произнесла я.

Обхватив голову руками, он прошёлся по комнате и застыл у окна. От хорошего настроения не осталось и следа.

– Ну ладно я, – его голос звенел от злости, – мне некуда бежать. Да и незачем, но почему вы остаётесь здесь, имея все возможности уйти?! Что вас-то держит? Молодых, полных жизни.

Горько усмехнувшись, я прошлась до лавки, что заменяла в комнатке стол, и поставила на неё тарелку, одну из трёх.

– Беги, Сонья, – схватив меня за запястье, Счастличик повернул к себе лицом. – Беги отсюда.

Покачав головой, осторожно выдернула из захвата руку и подняла небольшую дощечку, на которой обычно приносят лепёшки из костной муки.

«Мне некуда и не к кому бежать» – быстро написав это, развернула и показала ему.

– Да какая разница, девочка, просто беги. Молоденькая же ещё совсем, сгинешь.

«Я знаю».

А что я ещё могла написать?!

Что никогда не видела ничего, кроме тумана. Что даже не представляю, что меня ждёт за ним. А главное, я мечтала отомстить. Старой жрице! Карге, которая лишила меня всего.

Она хотела получить от меня дочь, только вот не дождётся.

– Ты очень зло улыбаешься, Сонья, – заговорщически прошептал Счастливчик. – Это выдаёт твои мысли. Держи эмоции под контролем.

Вскинув бровь, я поняла, о чём он.

«Хотите сбежать?» – сама не понимала, зачем пишу это.

– Нет, – мужчина опустился на свою койку и притих.

Вглядываясь в его морщинистое лицо, пыталась понять, сколько ему лет. Стар ли он? Наверное, да.

Опустив голову, подняла разнос и вышла. Третий пленник крепко спал. Молодой мужчина. Его привезли не так давно. Тихо войдя в комнату, поставила тарелку с супом и поспешила удалиться. Недолюбливала я его. Он, бывало, кидался на нас как зверь, не разбирая: жрица перед ним или послушница.

Наконец, осталась последняя комната.

Но идти туда я отчего-то боялась. Замерев у двери, всмотрелась в камеру. Северянин сидел на койке. Взгляд устремлён в стену.

Крепче сжав разнос, присела, чтобы отворить на решётке оконце.

– А что же не открываешь, красавица? – услышав его вопрос, я впала в некоторый ступор.

Поднявшись, он медленно подошёл к двери и замер, глядя в моё лицо. Его глаза вспыхнули ярким лиловым пламенем. Вчера они показались мне серыми, а сегодня уже голубыми. Сглотнув, я невольно отодвинулась подальше.

– Открой, красавица, не бойся меня, – его губы тронула улыбка. – Иди ко мне, я тебя не обижу.

От этих его слов стало ещё страшнее. Я не знала, как мне быть. Переводя взгляд с тарелки на пленника, заметила, как краснеет его ошейник. Эта вещь должна была справляться с его магией, но отчего-то мне казалось, что надолго её не хватит.

– Как тебя зовут? – северянин чуть склонился и подался вперёд. Ему достаточно было протянуть руку, чтобы схватить меня за шиворот. Я понимала это, но продолжала глупо тарашиться на тарелку с супом.

– Тот пленник назвал тебя Сонья. Красивое имя. Ты послушница?

Я кивнула и нервно прикусила нижнюю губу.

– Открывай дверь, хорошая моя, я никогда не обижу тебя. Поверь.

Качнув головой, потянулась и распахнула оконце. Что-то удерживало меня снаружи. Некий подсознательный страх перед этим гигантом.

Он, молча, наблюдал, как я продвигаю ему тарелку и дощечку с лепёшками.

– Это очень обижает, Сонья, – в его голосе звучала горечь. – Я кажусь тебе опасным?

Вскинув голову, поймала на себе такой голодный взгляд, что отшатнулась. Пленник моргнул и улыбнулся.

С первого этажа донёлся тихий звон, призывающий послушниц на работы в нижних ярусах. Северянин повернулся и выглянул в окно.

– Там внизу ведь есть ещё помещения? Что вы там прячете, Сонья?

Этот вопрос показался мне очень странным и заставил крепко призадуматься.

– Расскажи мне о храме, – он присел на корточки и придвинулся ещё ближе к решётке.

Подняв руку, я указала на мои губы.

– Да, «печать безмолвия», ведь так? – этот мужчина знал то, что ему не положено.

Схватив дощечку, я не удержалась и написала.

«Вы кто?»

Он рассмеялся, черты его лица разгладились и стали добрее.

– Я?! – его правая бровь приподнялась. – Младший вардиган клана Бессон. Знаешь кто такие варды?

Я неуверенно кивнула и покосилась на свою дощечку.

– Ну, спроси, Сонья.

Поднявшись, он взял тарелку и отнёс её на лавку. Его голова немного не доставала до потолка. Какой же у него рост?! Наверное, если я встану рядом, даже до плеча макушкой не достану.

– Ну, вишенка, спроси меня.

Нахмурившись, я пыталась сообразить, как он меня назвал. Слово это я слышала, но не могла припомнить его значение.

«Что такое вишенка?» – показав ему надпись, нахмурилась.

Он прочитал, а затем, подойдя к решётке, резко просунул руку между прутьями и схватил мой локон.

– Это ягода, Сонья, – улыбнулся он. – Твои волосы такого же цвета.

Замерев, я не шевелилась. Северянин тоже не двигался.

– Боишься?

Медленно кивнув, покосилась на его руку. Пальцы разжались, выпуская прядку моих волос. Отойдя от решётки на шаг, покачала головой. Мне стало не по себе, я вспомнила, как меня звал отец.

«Ягодка моя».

Глава 7

Схватив дощечку, я вытерла рукавом свои надписи и, развернувшись, бросилась в сторону лестницы.

– Сонья! – голос северянина сотрясал стены. – Сонья, вернись! Вернись, драгоценная моя.

Эта последняя фраза придала мне скорости.

Что ему нужно от меня? Почему он так странно себя ведёт?

Схватившись за ручку двери, я не удержалась и обернулась. Мой слух уловил странный ляг: словно чем-то били по металлу.

Северянин пытался сдёрнуть ошейник. При этом его лицо, оно расплывалось.

Моргнув, подгоняемая страхом, я поспешила на кухню. Перепрыгивая через ступеньки, слетела вниз и тут же столкнулась нос к носу с Тларой.

Лицо жрицы перекосило.

– Куда так спешишь, послушница? – прокаркала она. – Свой обед, лютая, ты ещё не заработала. Отправляйся в погреб. Сегодня ты нужна там.

У меня внутри всё похолодело. Я ненавидела спускаться в подземные ярусы, а уж находиться рядом с алтарём тем более.

Видимо, я не сумела скрыть свои эмоции. Потому как жрица довольно оскалилась и, схватив меня за руку, сжала, причиняя боль. Её ногти впивались в кожу.

Протасив до входа в подземелье, она буквально закинула меня на верхние лестницы.

Обернувшись, я попыталась ударить её наотмашь, но она увернулась и захлопнула дверь.

В нос тут же ударил запах плесени и сырости.

Сглотнув, я покрутилась на месте. Мрак наступал ослепляя.

Поняв, что деваться мне больше некуда, тихо спустилась сначала на первый ярус, а затем на второй.

Меня приветствовала тишина.

Впереди виднелся рассеянный свет от лучин. Отойдя подальше от перил, я поспешила туда. Внизу у алтаря кто-то был. Я отчётливо расслышала голос.

Любопытство терзало, но страх его подавлял.

Стоны. Тихий шёпот.

Сглотнув вязкую слюну, я всё же приблизилась к перилам и выглянула.

Так и есть. У белоснежного алтаря, освещённого тремя стойками с факелами, крутилась Верховная.

А на самом камне лежала бледная послушница.

Девушка была намного старше меня. Когда-то мы занимали соседние комнаты, а затем она прошла ритуал с пленным и понесла ребёнка. Ей не повезло – родился мальчик. Она тогда чуть с ума не сошла, когда Верховная, отняв его, увезла за остров.

Эстрела кидалась в воду, пытаюсь плыть следом.

Я ещё подростком была, но это хорошо запомнила. Тогда-то я и поняла, что нельзя мне с мужчиной на этот алтарь. Не смогу я ребёнка своего отдать.

Тем более, что Верховная дочь мою в свои преемники пророчит.

Не дождётся, карга дряхлая.

Эстрела стонала. Она рожала. Это был результат третьего обряда: второй раз не вышло. Верховная поторопилась и послушнице не хватило здоровья выносить младенца. И вот снова.

Схватившись за перила мёртвой хваткой, я наблюдала, как старая жаба принимала роды. Бедная Эстрела морщилась и беззвучно открывала рот, заходясь в немом крике.

В моей голове была одна мысль: «Только бы девочка».

Только бы малышка.

И тогда она будет жить. Тогда бедной молодой женщине не придётся пережить весь этот ужас снова.

Время шло, а я не двигалась.

Алтарь пылал от пролитой алой крови, а ребёнок всё не шёл.

Моя челюсть дрожала от страха. Казалось, молодая мать просто не выживет. Этот проклятый камень заберёт её.

Послушница снова открыла рот, силясь закричать. Жрица закрыла собой весь обзор, но через пару мгновений она отошла, держа что-то на руках.

– Дочь, – услышала я её голос, – молодец, Эстрела, ты выполнила свою миссию.

Молодая мать сжалась в комочек и, кряхтя, повернулась набок. Я видела слёзы в её глазах. И поняла, что сама плачу.

Присев, я спряталась за перила и беззвучно рыдала, то ли от ужаса, то ли от облегчения, а то ли оплакивала эту крохотную малышку, что никогда не увидит ничего иного, кроме этих стен.

Родилась ещё одна немая послушница.

На негнущихся ногах я всё же добралась до складских комнат и тихо вошла.

В комнате при тусклом свете лучин сидели три женщины. Вскинув головы, они поприветствовали меня и вновь принялись за работу.

Вокруг чувствовалось напряжение.

Видимо, они тоже знали, что происходило внизу.

Взяв грубо сколоченный табурет, я присоединилась к ним.

Перебирая пласты сушёных водорослей, ловила остальных послушниц на том, что они бросают пристальные взгляды на дверь. Наконец, не выдержав, я взяла лучинку и написала прямо на грязном усыпанном землёй каменном полу.

«Дочь».

Всё разом выдохнули и заулыбались.

Работа пошла быстрее. Мы постоянно переглядывались, подбадривая друг друга.

Так прошёл остаток дня.

Боль в спине постепенно затихала. Раны быстро затягивались.

Собрав все подгнившие водоросли в глубокие корзины, мы вместе вышли из хранилища. Самая старшая послушница выстроила нас в ряд и жестом приказала идти.

Так, приглядывая друг за другом, мы поднялись к двери из подземелья. Тенями скользнули на улицу. Вместе высыпали мусор в вырытую яму за храмом, и сложили корзины в небольшой пристройке.

Раздался призыв к ужину.

Мне жутко хотелось есть, но я не знала – пустят ли меня к столу или наказание ещё не окончено.

Медленно шагая к входу, снова почувствовала на себе чей-то тяжёлый взгляд.

Вскинув голову, заметила в окне уже знакомую фигуру. Северянин.

– Сонья, – шепнул он, но я услышала.

Невольно остановившись прямо под его окном, глубоко вдохнула и пошатнулась. В воздухе витал аромат шиповникового чая. Закрыв глаза на мгновение, я унеслась в своё счастливое детство в маленькой землянке, услышала тихую мелодию, что напивал отец, ставя котелок на огонь. Увидела мешочек с сушёными сморщенными красными ягодами.

Вздвигнув, снова подняла взгляд.

Северянин, молча, разглядывал меня, в свете заходящего солнца на его шее поблескивал ошейник. Ухватившись за него, мужчина оттянул его от кожи. Это показалось мне странным:

обычно зачарованный металл плотно прилегал, нередко вызывая приступы удушения у пленных.

Глава 8

Всю ночь мучили кошмары. Но я не могла припомнить ни один образ из снов: ни лиц, ни обстановки, ни звуков, ни слов.

Ничего. Кроме липкого удушливого страха, что сковывал душу, не позволяя дышать.

Лёжа с открытыми глазами на боку, я вслушивалась в тишину.

Шорохи, скрипы.

Потянуло сквозняком, и раздался глухой удар.

Утро! Пора подниматься.

Но сил совершенно не было. Словно и не спала вовсе.

Храм оживал. Слышны были шаги и негромкие голоса жриц.

А я всё лежала и таращилась на стену.

Такая пустота на душе, казалось, там ветер витал, вымораживая всё.

Скрипнула дверь, кто-то коснулся моего плеча. Обернувшись, я уставилась на Светлу – повариху, что вчера накормила меня. Приставив палец к губам, она протянула мне серое платье.

Спешно одевшись, я пошла за ней. Миновав длинный узкий коридор, мы вошли на кухню. За тёмным массивным столом понуро сидела Смэка, обняв себя за плечи, молодая женщина раскачивалась в такт собственному мычанию. Этот звук пробирал до костей.

Чуть в стороне от неё как мышки ютились девочки, которых Светла прикармливала втайне от жриц. Того, что давали на завтрак, детям явно не хватало.

Повариха провела меня дальше и усадила возле печи. В руки мне вручили деревянную тарелку с чищенной варёной рыбой.

«Ешь» – жестом показала Светла и, отвернувшись, вышла из комнаты. Смэка продолжала мычать, её безумие становилось всё заметнее. Сглотнув, я быстро уничтожила рыбу, даже не чувствуя её вкуса.

А в голове роились мысли одна другой тревожнее.

Раньше повариха так себя никогда не вела. Светла женщиной была крайне замкнутой. Ни с кем не сближалась, редко проявляла эмоции, а уж про заботу, и говорить не стоит. Её душу трогали лишь дети.

Пока я пыталась понять причины её поведения, миска опустела.

Заглядывая в неё, пыталась понять, а что ела-то? И ела ли вообще? Голод мой никуда не делся.

Поставив миску на стол, огляделась. Тарелки для пленных на разносе. В них плескалась мутная зеленоватая жижа.

«Отнесу» – Смэка вскинула голову и, перестав мычать, с силой ударила себя по груди.

Я кивнула и, потянувшись, поймала ее запястье, чтобы не била себя больше.

С улицы донёсся звон, призывающий на завтрак.

Вернулась Светла. Достав деревянный бочонок из-под лавки, она протянула его мне. Открыв, я обнаружила в нем узкие полоски рыбы.

«Наживка?» – прищурившись, я вопросительно глянула на женщину.

Немного подумав, она взяла дощечку и спешно написала: «Пустая не возвращайся. Верховная пророчит тебя в жрицы, остальным это не нравится, они ведь высокородные».

Теперь стало понятно, чего на меня так окрысились. Злобно оскалившись, я тяжело вздохнула. Вот чего мне не надо, так это становиться одной из этих бездушных тварей.

«Твой обряд уже скоро, – на дочечке появилась новая запись, – придумай что-нибудь, но не отдавай невинную кровь алтарю».

Прочитав такое, удивлённо уставилась на женщину, что прожила здесь всю свою долгую жизнь. Она кивнула, подтверждая свои слова.

В коридоре слышались разговоры.

Схватив тряпку, Светла обтёрла дощечку.

Вошедшие на кухню жрицы злобно покосились на меня.

Что ты тут крутишься, лютая? – рявкнула Тлара. – Пошла завтракать, а после – в лодку. Посмеешь явиться последней и без добычи – всю ночь на углях стоять будешь. Ясно тебе?

Скривившись, я вышла из помещения, делая вид, что их вообще не существует. Но то, чем поделилась со мной Светла, взбудоражило. Послушницы не становятся жрицами. Никогда. Но и кухарка врать бы не стала. Тогда что происходит?

Я утром чувствовала, что правду мне донесли. Это и пугало.

Послушницы – это рабыни, магически одарённые женщины, чьё призвание – облегчать жизнь жрицам. Женщинам, которых попросту сослали сюда близкие. Неудобные жёны, ненужные дочери, что родились вперёд своих братьев, матери, о которых никто не желал заботиться. По сути, и они, и мы заложницы храма с той лишь разницей, что наш удел угождать.

Позавтракав в общей столовой, медленно поплелась к лодке.

Странная тревога терзала душу. Я поймала себя на том, что постоянно оглядываюсь. Остановившись, подняла взгляд на второй этаж.

Пленника видно не было.

Это огорчило. Непонятное чувство, словно в нем что-то родное. Забытое. Или обретенное?! Мои мысли постоянно возвращались к этому Северянину.

Тряхнув головой, я заставила себя идти к воде.

Забравшись в лодку, проверила снасти, поставила бочонок со свежей наживкой и, оттолкнувшись от берега, отплыла одной из первых.

Густой туман необычно низко стелился над землёй.

Безмятежная водная гладь серебрилась.

То тут, то там у берега слышались всплески, но я не решалась остановиться. Искала чистый участок, чтобы хотя бы видеть, куда кидаю снасть и что передо мной.

Мне снова не везло.

Обогнув небольшой островок, я закинула крючок с грузилом в воду. Наблюдая за палочкой, что должна была дёрнуться в случае поклёвки, почувствовала страшную слабость.

Глаза слипались.

Спина, что не мучила меня с утра, вдруг вспыхнула огнём. Я понимала, что происходит что-то странное, но нечто удерживало меня на этом месте.

Зашумели деревья. В их кронах метался ветер, бросая в воду жёлтую, красную листву.

Палочка слабо дёрнулась, я напряглась, но ничего.

Сражаясь с дремотой, поёжилась. Становилось холоднее.

Палочка снова дёрнулась, её сильно потянуло вправо. Ухватившись за верёвку, я потянула и тут же ощутила сильнейшее сопротивление. Чтобы не попало на мой крючок, оно было немаленькое.

Началось сражение. Понимая, что без улова меня ждёт наказание, я, не жалея рук, тащила свою жертву к лодке. Она сопротивлялась. Встав на колени, я яростно наматывала верёвку, ощущая, как она режет мою ладонь. В воду одна за другой падали капельки моей крови, но я не обращала на это внимания.

Выбиваясь из сил, следила за тем, чтобы моя жертва не соскочила с крючка и чтобы верёвка не оборвалась. На поверхности показалось белоснежное брюхо.

Я никогда прежде не ловила такой огромной рыбы, мне её словно туман послал.

Полностью сосредоточив на ней своё внимание, не замечала ничего вокруг. Наконец, подтащив рыбину к борту лодки, удерживая верёвку в окровавленной руке, достала дубинку и, размахнувшись, ударила.

Один раз, второй, третий.

Речной монстр обмяк и прекратил сопротивление.

Потянувшись, я попробовала затащить его в лодку и чуть не упала в воду, прогнувшись под тяжестью своего улова.

Только спустя пару минут мне удалось втащить рыбу за хвост.

При этом я сама обессиленно упала рядом.

Руки страшно жгло, спину ломило, а по коже гулял странный холодок.

Именно он и привёл меня в чувства. Распахнув глаза, я уставилась в туманное небо. Оно в ответ смотрело на меня глазами чистых сияющих душ.

Поднялся ветер, его порывы раскачивали лодку.

Сжав в руках весло, вдруг осознала, что просто не могу пошевелиться.

Поднялись волны, лодку несло вперёд.

Заледенев от ужаса, я выдохнула облачко пара.

Над моей головой мелькали ветви деревьев, я слышала, как волны бьются о борт лодки. Рыба рядом со мной не шевелилась.

Испуганная, я не понимала, что происходит и куда меня несёт.

Глава 9

Время словно замерло. Ветер яростно ударял по лодке, упорно толкая её вперёд. Белые тени давно исчезли, оставив меня одну.

Не в силах пошевелиться, я чувствовала такой холод, будто мир вокруг меня застыл.

Наконец, лодка резко на что-то натолкнулась, меня тряхнуло, и все снова замерло.

Ветер стих, как будто и не было его. Туман всколыхнулся и отступил подальше.

Безмолвие. Я слышала только лишь тихое, еле различимое шуршание набегающих на берег волн.

Согнув пальцы рук, поняла, что ко мне возвращается способность шевелиться. Надо мной возвышалось дерево, его веточки медленно покачивались успокаивая. Большая черная птица, громко закричав, пролетела мимо, затем, сделав круг над лодкой, опустилась на бортик и темными глазами внимательно уставилась на меня.

Ворон.

Издав леденящее душу «кроу», он расправил крылья и замер.

Стало холоднее.

С трудом повернув голову, увидела то, отчего забыла, как дышать. Меня прибило к острову: одному из десятков, что разбросаны по устью реки. Песок, прибрежный кустарник, редкие деревья. Все привычно и обыденно, кроме одного. Чуть подальше от покатога берега, между высокими мертвыми деревьями белел огромный камень. Алтарь. Над ним застыли черные как смоль тени, чуть колыхаясь.

Я слотнула, но, казалось, они вообще не замечают моё присутствие.

Я впервые так близко видела черных или грязных, как чаще их называли жрицы. О них много говорили: души убийц, потерявшие надежду, забывшие себя. Безликие. Погасшие. Смердные. И еще с десятков имен, описывающих этих существ.

Но я ощущала только холод, идущий от них.

Резкий порыв ветра пробежался над водой. Непогода вдруг опомнилась и снова вошла в раж.

Ворон, захлопав крыльями, сорвался с места.

Черные развернулись и медленно поплыли в мою сторону.

Страх сковал сердце. Оно билось так быстро, что оглушало.

Грязные приближались. Трясаясь от холода, я не могла закрыть глаза. Мне было жутко. Муторно страшно. Тени плавно проскользнули над самой моей головой, как будто не заметя живую. Свет в моей душе вздрогнул и спрятался, страшась выдать себя.

Одна за другой черные души покинули этот остров.

Зажмурившись, я досчитала до двадцати.

Потом еще раз.

И еще.

Отстукивая зубами дробь, я все же нашла в себе силы и попыталась сесть. Это вышло далеко не сразу. Покосившись на мертвую рыбу, испытала некое омерзение, вдруг поняв, что я убила.

Оборвала ее жизнь.

Умом понимала, что совершила это ради того, чтобы не умереть с голоду, но моя магия воспротивилась этому. Тяжело вздохнув, взялась за весло, и хотела было оттолкнуться от берега, но что-то остановило. Никогда прежде я не видела этого острова, хотя и плавала в этих водах ежедневно.

Вокруг стелился смертоносный туман, но даже он не мог заставить меня просто уплыть.

Осторожно выбравшись из лодки, я подтянула её на берег и привязана к небольшому деревцу, растущему в воде. Несмело шагая вперёд по холодной влажной противно чавкающей земле, медленно приближалась к алтарю. Он давил на меня, вытягивая силы. Но при этом манил.

Что-то хрустнуло под босыми ногами.

Наклонившись, я подняла палочку и тут же поняла, что ошиблась. В руке у меня была маленькая кость.

Ещё несколько шагов вперёд, и я остановилась.

Алтарь был залит ссохшейся кровью. А вокруг него бесчисленное количество маленьких пожелтевших от времени косточек. Чьих? Вроде, как и птиц, только вот у камня из земли торчала уж больно крупная для воронья круглая кость. С глазницами.

Сглотнув, я развернулась и побежала прочь.

Трясущимися руками отвязала лодку и, оттолкнув в воду, неуклюже забралась в нее. Так быстро я ещё никогда не работала веслом.

«Мальчиков отвозят за остров» – эта фраза звенела в моей голове, причиняя физическую боль.

«Сыновья послушниц принадлежат Тануку».

Перед глазами темнело.

Мы ведь и вправду считали, что детей отдают в некие поселения последователей бога Смерти. Никто ни разу не заикнулся, что они... что их.

Я подавилась собственным дыханием.

Перед глазами стеной яростно бился огонь, пожирающий моего отца.

Сжав весло, я просто замерла.

«Убью».

«Уничтожу их всех».

Только вот как? Я не знала.

Жалость, её просто не было. Я вспоминала эти маленькие сверточка, с которыми верховная отплывала в лодке. Слышала их жалобный писк и понимала, что хочу смерти.

О нет, конечно, не своей. Ее.

Всех. Это не люди – не женщины.

Жрицы – это твари в человеческой шкуре. Черные, пустые, бездушные.

Озлобленные жизнью мрази. Они не могли не знать про тот алтарь. Просто не могли, и все.

Мои руки тряслись, перед глазами – красная пелена.

Я не видела, куда плыву, словно интуиция вела.

Только когда впереди показался, храм я немного пришла в себя и попыталась заглушить эмоции. На берегу маячили фигуры жриц. Лодок стояло немного, так что я точно не последняя и улов у меня не малый. Посмотрим, что они мне скажут.

Убрав весло, я выпрыгнула в воду и подтащила лодку к берегу. Ухватившись за веревку, принялась привязывать её к столбику, наблюдая, как ко мне спешит Тлара и тощая Марука. Последняя отличалась особой любовью придумывать всё новые кары послушницам. Ходили слухи, что её сюда привёз муж в свадебном наряде. Ненужная жена сына главы поселения прислужников Танука.

Возможно, будь она хоть чуточку добрее, ей бы посочувствовали. Но нет.

– Что у тебя там? – Марука заглянула в лодку и скривилась.

Криво ухмыляясь, я ждала...

– Что ты лыбишься как полоумная, – прошипела она, – вытаскивай улов.

Перегнувшись, я схватила рыбину за хвост и тут же получила кулаком между лопаток. Подавившись воздухом, выпустила свою добычу. Не думая ни о чем, схватила весло и, раз-

вернувшись, приложила им по голове своей обидчицы. Удар вышел не сильным, но явно неожиданным.

Марука опешила, а затем, схватившись за свои лохмы, заорала дурниной.

Из храма выскочили ещё две жрицы и Верховная.

А я поняла, что розгами не отделаюсь, но при этом мне стало чуточку легче. В голове прояснилось. Боль жрицы доставляла невероятное удовольствие. Быть может, сегодня я окончательно сошла с ума.

По виску Маруки потекла тонкая струйка крови. Я всё-таки неплохо по ней приложилась.

Размахнувшись веслом, попыталась ударить снова, но Тлара вовремя оттащила женщину.

Оскалившись, я бросила весьма недобрый взгляд и на нее.

– Что здесь происходит? – зашипела Верховная.

– Сонья напала на меня, – запричитала Марука. – Я приказала ей вытаскивать рыбу, а она словно с цепи сорвалась.

– Это так, Сонья? Ты посмела поднять руку на жрицу?

Я взглянула на старуху снисходительным взглядом. Хотела, чтобы она вышла из себя.

Но Верховная лишь прищурилась.

– Твоё время скоро придёт, Сонья. Алтарь призовет тебя, пора бы уже научиться держать себя в руках, дочь моя.

Приподняв бровь, я захохотала. Не получит меня алтарь. Резко оборвав смех, взглянула на окна второго яруса храма. Туда, где содержали пленных, и тут же увидела северянина.

Держась за ошейник, он, казалось, пытался сорвать его.

В моей голове возник план. Он сбежит и обретет свободу, но прежде немного поможет мне.

Совсем чуть-чуть.

Глава 10

Улыбнувшись своим мыслям, я даже не стала скрывать эмоции. Пусть видят. Все равно ничего не поймут.

Верховная испепеляла меня тяжелым взглядом. Остальные жрицы окружили, будто опасаясь, что я удеру. Куда? В туман? В воду? Глупые вороны.

– Что с тобой происходит последнее время, Сонья? – допытывалась старая карга. – Покажи свои руки.

Я повиновалась, но с таким лицом, словно великую честь оказываю. Верховная сделала вид, что не заметила. Ну и я дальше на рожон лезть не стала: идти со старухой на конфликт в присутствии других жриц было очень недалёковидно и откровенно глупо. Вытянув перед собой ладони, показала их Верховной. Она сморщилась, глядя на свежие воспаленные следы укусов и вздувшиеся порезы от верёвок.

– Я думаю, ты просто устала, Сонья, – негромко пробормотала она, отводя взгляд в сторону. – Завтра можешь остаться в храме. Здесь хватит для тебя работы.

Кивнув, я, прищурившись, взглянула на Маруку. Да, издевалась, каюсь. Тощая явно была недовольна таким решением Верховной. Ее аж трясло.

– Лютую нужно высечь! – прошипела она, так и не дождавшись оглашения наказания.

– Нет, – старая карга отрицательно покачала головой. – Эта послушница привезла хороший улов, она измучена туманом и устала. Порки не будет, – развернувшись ко мне, Верховная снисходительным жестом указала на храм. – Иди помогай готовить ужин, дочь моя.

И всё.

Обойдя важную старуху, что снизошла до сострадания ко мне, о котором, к слову, никто и не просил, я улыбнулась Маруке и Тларе, да так, что они разглядели мои клыки. Ничего, представится мне возможность, я уничтожу их всех.

Моё сознание немного путалось.

На пару мгновений мне показалось, что я вижу белую тень Клэти: призрачная девушка, зависнув над окном в свою комнату, протянула мне руки и тут же исчезла, растворившись в легком тумане.

«Схожу с ума» – догадалась я, но это ничуть не тронуло мою душу.

Войдя в храм, расправила мокрый подол платья и неспешно побрела к кухне. Запах оттуда шел довольно мерзкий. Похоже, опять проворонили котелок с кипящими водорослями, и пошла шапкой бурая пена, попадая в огонь. Оттуда и вонь такая.

Войдя на кухню, заметила разводы на печи. Темные, корочкой. Присев на лавку рядом со Светлой, кивнула на грязный котелок.

«Прозевали?»

Она тяжело вздохнула и бросила на пол грязную линялую тряпку, расписываясь в своей беспомощности. Да, это за раз не ототрешь.

В комнате находились ещё две молодые женщины, обе рождённые в этих стенах. Послушницы явно видели в окно, что произошло у лодок, и оттого довольно улыбались, косясь на меня.

«Молодец» – черкнула повариха угольком на столе и тут же стёрла.

«Я видела Клэти» – немного подумав, написала я и обвела присутствующих женщин взглядом.

Кнеша, что была на пару лет меня старше, неопределенно кивнула и проговорила губами: «Я тоже».

Мы обучались с ней в одно время, поэтому я понимала ее очень хорошо.

«Многие её видят» – Светла подождала, пока мы прочитаем надпись, и тщательно стерла ее.

«Почему?» – тут же возникло на дощечке Кнеши.

Мне тоже было интересно это знать.

«Потому что каждая из нас – маг жизни» – прочитав эти слова, я удивленно вскинула брови и недоверчиво покосилась на нашу повариху. Она немного подумала и приписала: «Кто-то слаб, кто-то силен, как Сонья, но в нас свет, поэтому чистые души и тянутся к нам».

Почувствовав горечь, я посмотрела на остальных, Кнеша украдкой утирала слезы.

Снова тяжело вздохнув, Светла поднялась, в этот же момент двери распахнулись. Юные послушницы затащили мой улов, прогибаясь под тяжестью рыбыны.

Сморщив носики, девчушки поспешили на выход. Только серые подола в проеме взметнулись. Еще бы им не улизнуть отсюда, запах такой.

Следующий час мы потрошили рыбу, срезали с костей мясо, сдирали шкуру. Сметали с полов и частично стен чешую, что летела во все стороны.

Каждая женщина думала о своем.

Поужинав в общей столовой, я вернулась на кухню. Светла поставила передо мной разнос с тремя тарелками. В мутном бульоне плавали толстые плавники и мелко порубленные вываренные водоросли. Воду пленным разносили отдельно.

«Почему я?»

«Не нравится мне тот в дальней комнате» – написала повариха.

«Что с ним?» – не поняла я.

«Сама не пойму, но девочек не пушу. А ты и с мертвым справишься».

Покосившись на грязную печь, я быстренько подхватила разнос. Уж лучше накормить мужчин, чем тереть это. С этими мыслями я неспешно поднялась на второй ярус.

Похоже, все пленники спали.

Открыв решетку, я оставила тарелку в первой комнатке, затем во второй – Счастливику, и тихо подошла к третьим дверям. Открыла и вошла.

И чем этот бедолага Светле не нравится?

Первое время постоялец этой камеры вел себя агрессивно, а теперь, казалось, и вовсе не дышит. Отвернувшись к стене, мужчина крепко спал. Длинные сальные волосы свисали с матраса.

– Отойди от него немедленно! – раздался бас за спиной.

Сделав несколько шагов назад, я схватила разнос и вылетела из камеры. Только закрыв дверь, вдруг поняла, что не обязана была подчиняться. Развернувшись, возмущенно уставилась на северянина. Он стоял у решетки и прожигал меня взглядом серо-голубых холодных глаз.

– Никогда не заходи к нему? – его голос сделался мягче.

«Почему?» – беззвучно спросила я, но тут же сообразив, что он, скорее всего, меня не понимает, поставила на пол последнюю тарелку с дурно пахнущим содержимым и полезла в карман за угольком.

– Не надо, – остановил он меня резко, – просто медленнее проговаривай слова. А к нему ни на шаг. Заражен он.

Пожав плечами, я оставила уголек в покое и, открыв нишу в решетке над полом, продвинула туда тарелку.

– Почему же ты не открываешь мою дверь? – раздалось надо мной.

Я снова пожалала плечам, сама себя не понимая.

– Сегодня ты вернулась очень испуганной. Я видел, как она ударила тебя. Ты тряслась и казалась загнанной в угол. Тобою руководит страх?

«Нет» – возразила я, резко подняв голову.

– Да, – уголок его губ приподнялся. – Да, Сонья. Не смей мне лгать. Страх был столь велик, что ты бросилась на эту падаль в платье жрицы. Что случилось в тумане, моя послушница?

Я замерла и взглянула на свои руки. Что случилось? Прозрела! Развернув деревянный разнос, быстро достала из кармана уголек.

«Вы хотите сбежать?» – поднявшись, я решительно показала ему дощечку.

Прочитал. Приздумался. Окинул меня пристальным взглядом и медленно кивнул.

– Если да, – обхватив решетки руками, он подался вперед, буквально нависая надо мной, – то какова твоя цена за помощь?

Глава 11

Я оказалась не готова к такому пустяковому вопросу.

Плата!

Да, за всё в этой жизни нужно платить.

Но чем? Что я могу предложить ему?

Больно прикусив нижнюю губу, вглядывалась в ледяные глаза северянина. Он ждал ответ. Меня снова окутал густой аромат шиповника, очаровывая, напоминая о маленькой землянке на небольшой поляне и о детстве. Растерявшись, я глубоко дышала, вбирая в себя одурманивающий запах. Передо мной стоял странный чужак, но его взгляд...

Он завораживал.

Пленял.

Влюблял.

И подчинял.

«Моё тело» – шепнула я одними губами.

– Что? – он хищно прищурился, но это меня не насторожило и не напугало.

«Я отдам тебе своё тело. Невинность, если такая плата хоть сколько-нибудь ценна» – мне духу не хватило сказать это, поэтому я написала угольком и, набравшись смелости и приглушив стыд, показала ему.

Он молчал, но этот взгляд. Бессильная жалость, зло и твёрдая решимость. Вздвогнув, я поняла, что мои глаза застилают безмолвные слёзы.

Северянин покачал головой.

– Доверие, – он поднял руку и осторожно провёл костяшками пальцев по моей скуле. – Больше мне пока ничего от тебя не нужно.

Отведя взгляд, я смяла ладонью подол испачканного влажного платья.

Издевается он, что ли! Кому оно нужно – доверие послушницы?!

Я ведь и так сказала, что помогу сбежать.

Что за грязные игры.

– А ещё немного веры, девочка моя. Ты плохо скрываешь эмоции. Открытая душа. Но это ничего. Справимся, – он присел на корточки. – Не бойся меня Сонья? Мы заключим сделку. Но тебе придётся точно сказать, что ты ждёшь от меня.

Стерев рукавом постыдную надпись, уставилась на грязную ткань платья.

Ну, да. Кому нужно моё избитое, изуродованное шрамами тело!

Я ещё никогда не ощущала себя такой гадкой. Грязной.

Слезинка всё же сорвалась с моих ресниц и покатила по щеке.

«Я знаю, что уродлива...»

Он накрыл громадной мозолистой ладонью мои губы, не дав договорить.

– Ты безумно красивая, Сонья. В твоих глазах целый мир. Они чисты и столь глубоки, что я боюсь в них утонуть. Но я не насильник, и ничего против твоей воли или в уплату долга брать не стану. Улыбнись мне, маленькая храбрая послушница.

Вскинув бровь, я взглянула на него. В ответ он, склонив голову набок, пристально разглядывал меня. На его лице заходили желваки. Ярость, я видела её в его глазах. Протянув руку, пленник поднял мою ладонь и пригладил большим пальцем подживающие порезы от веревок. Его лицо подёрнулось туманною дымкой.

– Смелее, Сонья, – северянин вскинул голову. – Ради тебя я готов на многое, если не на всё. Какова твоя просьба, моя маленькая послушница? Ну же, озвучь её.

Осторожно выдернув испачканную угольком руку, я отошла от мужчины и подняла дощечку.

«Убей их всех» – выводя каждую букву, я старалась сдерживать эмоции, что давили на горло.

Перед глазами стоял белоснежный, поросший зелёным мхом алтарь и земля вокруг, усеянная маленькими косточками. Пустые глазницы крошечного черепа и ворон. Чёрные тени и ненавистное лицо Верховной.

Развернув дощечку, я нашла в себе силы и показала надпись северянину.

Он утвердительно кивнул, его не смутило моё желание. А я ведь просила его совершить страшную вещь.

– Подойди ко мне, Сонья, – он поднялся. – Не бойся, я никогда не обижу тебя.

Замерев, отошла на шаг.

Нет, мною двигал не страх, а нечто иное.

Запах шиповника усиливался, усыпляя бдительность. Сделав глубокий вдох, я пошатнулась.

– Сонья?

Покачивая головой, я попыталась улыбнуться.

– Почему? – в его голосе появилась сталь. – Откуда в тебе этот трепет передо мной? Разве я сделал что-то дурное?

Ухватившись за грязную манжету пальцами и оттянув её, я старательно стирала все надписи с дощечки. Сама не понимала себя.

Что за странное влечение?

Откуда эти чувства?

Их не должно быть. Он чужак. Я не знаю его. Но при этом готова прижаться к его груди и забыться, растворившись в нём. Словно он лучик света.

И это пугало.

Я запуталась.

«Я сошла с ума» – засмеявшись, обхватила голову руками.

– Нет! Нет, моя девочка. С тобой всё хорошо. Сонья, как же мы поможем друг другу, если ты даже подойти ко мне не можешь? Взгляни на меня. Где та малышка с веслом, что не побоялась порки.

Я выпятила подбородок и улыбнулась. В его словах звенела истина, но отчего-то я робела.

Он ведь там, за решёткой.

Он ничего не может мне сделать.

Собрав всю волю в кулак, я подошла ближе и замерла. Протянув ладонь, мужчина резко схватил меня за подбородок и поднял голову, заставляя смотреть в его глаза. В их глубине медленно разгоралось лиловое пламя. На губах мужчины обозначилась лёгкая улыбка.

– Я пришёл сюда за тобой, Сонья, – прошептал северянин, – за тобой и за тем, что скрывает этот храм. Алтарь?! Он ведь там внизу?

«Один, да» – пробормотала я в ответ, не зная, как реагировать на слова пленника.

– Один? – он прищурился. – А есть ещё?

Моё сознание медленно растворялось в аромате красного шиповника. Исчезал страх и тревога. Прикрыв глаза, я кивнула.

– Расскажи мне о втором, – просунув руку между прутьями решётки, северянин обхватил меня за талию и придвинул ещё ближе. Уткнувшись в его грязную тунику носом, я замерла, а он ждал моих слов.

«Он в тумане» – медленно произнесла губами, но мне вдруг показалось, что я слышала свой голос.

Во рту появился солёный привкус крови.

– Печать, – прорычал пленный и, отстранив меня от своей груди, стёр красную капельку с уголка моих губ. – Ладно, Сонья, алтарь подождёт. Хочешь, чтобы я убил жрицу?

Я уверенно кивнула, глядя, как он слизывает мою кровь со своего пальца. На меня смотрел туманник. Иной.

– Считай, что они уже мертвы, – он подался вперёд, вглядываясь в мои глаза. – Но и у меня условие – в туман ты завтра не поплывёшь.

Удерживая меня одной рукой, он большим пальцем приподнял мой подбородок и скользнул губами по моим губам. Замерев, я забыла, как дышать.

Забыла обо всём.

Это совсем негрубое прикосновение, дарило нежность. Трепет. Безмолвное ожидание. Нужду...

– Соня, – послышался визгливый крик с лестницы.

Отпрянув в сторону, я вырвалась из мужских объятий и отошла на шаг от металлической решётки.

Подняв руки, прижала их к груди, удерживая свой разнос. Моё сердце так бешено билось, что, казалось, выпорхнет пташкой.

В коридор вошла жрица.

Окинув меня подозрительным взглядом, резким жестом указала на выход. Растеряно я взглянула на северянина. Он медленно кивнул и отошёл от решётки.

– Прозвучал отбой, лютая! Ты ещё и оглохла.

Повернув голову, я взглянула на эту обречённую на смерть. Несмотря на грубые слова, в её глазах плескался страх.

Она боялась меня.

Глава 12

Верховная сдержала своё слово.

На следующий день меня не отправили в туман, зато, вручив метлу, велели подметать нижние подземные ярусы, что для меня было в разы страшнее.

Но деваться было некуда. Только и оставалось, что, стиснув челюсть, подчиниться.

Спустившись на первый ярус подземелья, замерла у дверей кельи, пытаюсь понять, кто из жриц находится в своих покоях.

Но всё было тихо.

Запах, витавший вокруг, просто убивал. Казалось, им пропитывается одежда, и смердит затхлостью уже от меня. Сжав крепче метлу, я толкнула первую дверь. Пусто. Вот и хорошо.

Открывая комнату за комнатой, спешно сметала с полов неистребимую пыль, а вместе с ней песок, волосы и неведомо, что ещё.

Чистоплотностью обитательницы подземелья не отличались.

Распахнув последнюю дверь, отступила на шаг. Вонь стояла такая, что даётся мне, нечто здесь сдохло и уже давно разложилось. Нацепив ворот платья на нос, быстро шагнула внутрь комнаты. Не теряя времени, присела и принялась выгребать метлой мусор из-под кровати. Источник смердящего запаха отыскался быстро. Кусок рыбы.

Разложившийся и склизкий.

«Ну и жуть» – шепнула я губами и тут же замерла.

Голос.

Я слышала его. На языке и зубах тут же появился странный солёный привкус. Сплюнув, я уставилась на кровь. Вытерев рукавом подбородок, обнаружила красные разводы и на ткани.

Что бы это ни значило, а лучше помалкивать.

Подняв с пола метлу, спешно вымела всё в коридор.

Покосившись на тухлый кусок мяса, вредно хохотнула и одним резким движением метлы отправила его вниз в ритуальный зал.

Пусть там благоухает.

И вроде бы мелкая пакость, а так приятно.

Проверив все углы комнаты на наличие грязи, очередной раз отметила холод и пустоту, царившую в жилищах жриц.

Ни гобеленов, ни половичков плетёных.

Ничего.

Даже у меня в комнате на столе стоял маленький букетик из жёлтых опавших листьев, воткнутый в треснутый глиняный бочонок.

А они жрицы: у них куда больше свободы и возможностей.

Да, храм бога Смерти скрывался в тумане, но мы были не совсем отрезаны от светлого мира. К нам являлись гуруны. А также приезжали на телегах люди из закрытых поселений приверженцев Танука.

Редко, но всё же бывали.

И, несмотря на всё это, комнаты жриц казались нежилыми, словно умертвия здесь обитают.

Поморщившись от устоявшейся вони тухлятины и плесени, закрыла последнюю комнату и, собрав мусор в небольшое ведро, спустилась ниже на второй ярус.

Из дальних кладовых слышались шорохи. Видимо, послушницы перебирали наши скудные запасы. Отсвет от лучин падал на пол, хоть немного разгоняя сумрак. Тех зеркал, что освещали подземелья, явно было недостаточно.

Что-то грохнулось, и послышалась мелкая возня. В коридор выкатились две почерневшие капустины. За ними выскочила одна из пожилых послушниц, ловко поймав кочан, она заметила меня.

Кивнув, женщина снова скрылась в небольшом хранилище.

Опустив метлу, я принялась подметать пол коридора, стараясь близко не подходить к перилам и уж тем более к лестницам, ведущим к алтарю в зал ритуалов.

Я всегда боялась этих мрачных длинных узких помещений, казалось, здесь по стенам ползает сама тьма. Она копошится в пыльных углах и выжидает свою жертву.

Никогда не понимала, как некоторые послушницы добровольно соглашались проводить дни здесь, а не уплывать в туман. Хотя, возможно, они не чувствовали это давление алтаря. Не слышали этих леденящих душу хохотков. Я всего раз спускалась с Верховной тот жуткий нижний зал, вернее, меня туда затащили волоком.

Потом был ритуал наложения «печати безмолвия» и «забвения». И если голос я потеряла, то с памятью моей всё в порядке. На моё счастье, тогда никто ничего не понял, но по каким-то причинам Верховная не смогла отнять у меня моё сознание.

Странный шорох заставил отвлечься от тяжёлых воспоминаний. Резко обернувшись, я уставилась на невесть откуда взявшуюся Маруку. Жрица хищно скалилась, черты её лица резко заострились.

– Думала, я тебе это так спущу, ничтожество?! – прошипела она гадюкой. – Чтобы не говорила Верховная, а ты всего лишь несуществующая тень. Твой удел – преклоняться передо мной.

Я ощутила, как невольно приподнимаются уголки моего рта. Просто не могла сдержать улыбку.

– Да как ты смеешь? – взвизгнула она уязвлено.

Размахнувшись, жрица попыталась залепить мне пощёчину, да я увернулась.

Услышав злобные визги, из дальней комнаты вышли две пожилые послушницы. Женщин я знала, но имена припоминала с трудом, слишком редко мы встречались в коридорах храма.

– На колени передо мной, – прошипела Марука.

Но в ответ я лишь приподняла бровь. Ещё чего!

Замахнувшись, она попыталась ударить снова, но я отскочила. Она кинулась за мной, намеренно, тесня к лестнице, ведущей вниз к смертоносному белому камню.

– Будет сейчас алтарю новая жертва, – её голос всё меньше походил на человеческий. – Никто не удивится, если ты сгинешь, как и многие до тебя.

Она, будто одержимая, бросалась на меня, пытаясь ухватить за волосы. Резко увернувшись, я со всей силы толкнула её в спину. Уцепившись за перила, Марука буквально зависла над первой ступенью. Но избежать падения ей не удалось.

Чужая рука, сжавшись в кулак, ударила по её пальцам.

Резко разжав ладонь, жрица покатилась по ступенькам вниз, меня же мягко оттеснили назад.

Предо мной стеной стояли послушницы.

Крики Маруки смолкли.

Несмело перегнувшись через перила, увидела, как она поднялась на четвереньки. Озираясь по сторонам, женщина неуклюже поспешила подальше от алтаря, да только поздно.

Для неё уже всё было поздно.

Из-под белого камня, словно змеи, к ней потянулись чёрные тени. Обвив за тощие щиколотки, они потащили жрицу к алтарю.

Марука истерично завизжала и взмолилась о помощи.

Она голосила так, что эхо сотрясало стены.

Столько страха, животного ужаса, агонии.

Только никто из нас не сдвинулся с места. Мы, словно зачарованные, наблюдали, как её тело резко подкинуло и приложило о камень. Она всё ещё дышала, когда тьма вырвала из её груди грязную серую, почти чёрную душу.

Новая тень, взметнувшись, продолжала безмолвно орать, но её уже никто никогда не услышит.

Не услышит и не спасёт.

Усмехнувшись, я поняла, что совершенно не испытываю жалости. Да мне рыбину убивать в разы сложнее, чем эту падаль в человеческой шкуре.

С верхних ярусов послышался шум шагов. Подхватив меня и мою метлу, послушницы поспешили к хранилищу.

Оказавшись за плотно закрытыми дверями, они указали мне, где подметать, а сами, как ни в чём не бывало, снова уселись снимать подгнившие верхние листья капусты, которую позволялось есть только жрицам.

Глава 13

Тело Маруки быстро убрали. Куда? Никто не понял, но погребального костра не было. Видимо, просто закинули в воду. Одним неуспокоенным больше, одним меньше...

Верховная пыталась выяснить у нас, что же случилось, но пожилые послушницы только пожимали плечами. Ничего не видели, ничего не слышали, сидели у ящиков перебирали капусту.

Я же ощущала странное злое удовлетворение.

Было ли мне жаль Маруку?

Нет. Ничуть.

Совершенно, она ещё мало помучилась.

Вот о чём я сокрушалась: она заслуживала большей боли. Легко отделалась.

Наверное, я окончательно растеряла всё хорошее, что было в моей душе.

Верховная ушла, а я, задумавшись, продолжала мести пол.

На моё плечо осторожно опустилась ладонь.

Вздвигнув, обернулась, натолкнувшись взглядом на пожилых послушниц, которые сегодня спасли мне жизнь и это без преувеличения. Женщины подвели меня к столу и угостили морковью. Схватив столь редкое лакомство, вгрызлась в него, ощущая голод.

Послушницы заулыбались.

Перед моим лицом появилась табличка, на которой аккуратно были выведены всего три слова:

«Мечь за Клэти».

Вскинув голову, зажмурилась. Вот, значит, кто отправил вниз нашу девочку.

Марука.

Змея костлявая.

Ох, мало ей досталось. Надеюсь, её душа никогда не обретёт покой.

Злость во мне стала ещё сильнее.

Лишь после наступления сумерек мы покинули нижний ярус.

Шумиха вокруг алтаря утихла, только послушницы заглядывали друг другу в глаза, разделяя общую радость. Одну на всех.

Поужинав, я снова поспешила на кухню. Светла встретила меня с разносом. Смэка сидела хмурая и жутко недовольная. Обычно пленных кормила она, но наша повариха опасалась отпускать её наверх.

«Не заходи в камеры» – прикоснувшись к моему запястью, Светла указала на надпись на деревянном столе.

«Он просто спит» – возразила я.

«Нет» – её взгляд стал таким суровым, что я поёжилась.

Закатив глаза, я всё же взяла разнос с тарелками и поплелась на верхний ярус к пленным.

Счастливчик, замерев, сидел у окна. Открыв дверь, я, по привычке забывшись, прошла к нему в камеру и поставила деревянную миску на стол.

– Кто-то снова умер? – спросил он.

Я кивнула в ответ.

– Послушница?

«Нет» – он удивлённо обернулся, услышав мой шёпот. Сжав горло, я и сама поняла, что происходит что-то неладное.

– Ты говоришь? – мужчина улыбнулся и поднялся. – Это же хорошо!

Поджав губы, я устала на него.

«Вам нужно бежать» – прошептала глухо.

– Ты каждый раз талдычишь мне об этом, но нет, Сонья.

«Почему?»

– Моё место здесь, – его улыбка стала просто звериной, раньше я не замечала за ним такого. – Этот храм...

Он умолк, словно опомнившись.

Его взгляд стал пустым. Уставившись в окно, мужчина более не обращал на меня внимания.

Подняв разнос, я вышла из тесной камеры и закрыла дверь. Оставшимся пленным тарелки просунула через оконце. Они оба спали и признаков безумия не проявляли. Всё же Светла ошибается.

Наконец, я подошла к северянину.

– Откроешь? – тихо спросил он и, поднявшись с лавки, подошёл к решётке.

Я замялась, не зная, как поступить. Но кормить его, просовывая тарелку через железные прутья, как мертвяка с пола, не хотелось.

– Я не сделаю тебе ничего плохого, – шепнул он, – обещаю, Сонья.

Слабо кивнув, я решила зайти к нему. Сама не понимая почему. Просто желала доказать самой себе, что ещё могу верить людям.

Щёлкнул замок.

Пленник легонько придержал дверь, позволяя мне войти. Пройдясь вперёд, поставила разнос на лавку и выставила глубокую тарелку с похлёбкой. От неё шёл неприятный запах тины.

Выпрямившись, неожиданно ощутила чужие ладони на своих бёдрах. Сжав, северянин резко придвинул меня к себе вплотную. Склонившись, мужчина прошёлся губами по моему виску и, отодвинув волосы, обжёг шею горячим дыханием.

– Здравствуй, Сонья, нельзя быть такой легковёрной, – от его хриплого шёпота у меня мурашки побежали по спине. Его огромные ладони двинулись вперёд и легли на мой живот. Закрыв глаза, я не представляла, как себя вести. Страх сковал душу.

Не шевелясь, я чувствовала его горячее дыхание на коже.

– Ты боишься меня, Сонья?

Сглотнув, я медленно кивнула.

– Не нужно, я ведь сказал, что не причиню тебе зла.

Резко наклонившись, он рывком поднял меня на руки и, сев на свою койку, устроил меня на коленях. Сжавшись, я не представляла, что он сделает дальше.

Дёрнувшись, поняла, что меня просто стиснули в стальных объятьях. Я и не представляла, что мужчина может быть настолько силён.

А северянин молчал, не замечая сопротивления. Он тихо раскачивался со мною на руках. Зарывшись носом в мои волосы, мужчина, казалось, ушёл глубоко в свои мысли.

Я вновь попыталась вырваться. Не позволил. Потянувшись вперёд, он взял деревянный разнос и, вручив его мне в руки, вытащил из кармана моего платья припрятанный там уголёк.

– Как давно ты здесь? – его вопрос звучали глухо, но требовательно.

Закрыв глаза, я утопала в ярком аромате шиповника.

Мысли путались в голове.

– Отвечай мне, – мужская ладонь накрыла моё горло, но не сжала.

«Я была здесь всегда» – немного придя в себя, написала я.

Вырваться из этих крепких объятий более и мысли не было. Что-то навязчиво шептало мне, что так правильно. Что так должно быть.

Северянин замолчал.

Проходили минуты, согрившись в его объятьях, вдруг поняла, как же холодно мне было всё это время. Подняв мою ладонь, он перевернул её и, закатив рукав, осмотрел искусанное запястье.

– Кого точно я должен убить, Сонья? – его слова заставили меня вздрогнуть. – Или ты уже передумала?

Сжав в руке уголёк, зажмурилась.

«Жриц» – без сожаления вывела я буквы.

– Всех?

«Да, и храм. Его не должно быть. Это место должно исчезнуть».

– Оно исчезнет, – шепнул он, прижимая меня к себе плотнее. – Всё исчезнет. Я нашёл тебя и заберу отсюда.

Я улыбнулась и, стерев рукавом свои надписи, быстро черкнула:

«Вы тоже сошли с ума, как и я?»

– Нет, – его голос звучал глухо. – С нами всё хорошо, Сонья. Скоро мы уйдём из Тумана. Я уведу тебя в новый красивый дом, подарю тебе покой и безопасность.

«Это невозможно» – дёрнувшись, я попыталась встать на ноги, но он не позволил. Вместо того чтобы разжать руки, пленник повалил меня на койку и навис сверху. Сглотнув, я оторопела.

– Ты уйдёшь со мной, моя послушница. Я вард этих земель. Теперь княжество принадлежит мне. Война окончена. Южане повержены. А туман, он сгинет.

Качнув головой, я подняла ладонь и нежно погладила этого безумца по щеке. Казалось, он верил в тот бред, что произносил.

Сумасшедший безумец.

Улыбнувшись, я и вовсе запустила ладони в его волосы и прижала его голову к себе.

– Мне очень жаль, – шёпот принёс мне столько боли, но смолчать я просто не могла. – Я буду заботиться о тебе. А потом ты сбежишь, слышишь, я не позволю им отдать тебя гуронам.

Тяжёлые слёзы скатились с моих глаз.

Выпрямившись, северянин, тяжело выдохнув, стёр мокрые дорожки с моих щёк.

– Не нужно больше плакать, – тёплые губы прикоснулись к моему лбу. – Главное, я нашёл тебя, Сонья.

Глава 14

Лёжа на грубо сколоченной койке, я наслаждалась теплом и тишиной. На туманный мир опускались тяжёлые сумерки. Проходили минуты. Внизу тихо скрипели двери комнат послушниц. Лёгкие шорохи шагов проникали из окна – женщины вышли из подземелья и понесли мусор.

Храм жил своей жизнью, вроде все, как обычно, но нет. Я ощущала – что-то изменилось. Нечто неуловимое.

Отвлекая меня от тяжёлых мыслей, северянин провёл подушечкой большого пальца по моим губам.

– На твоих устах «печатать безмолвия», – шепнул он. – А какому ещё ритуалу тебя подвергали, Сонья?

Вглядываясь в его светлые холодные глаза, я пыталась понять, кто же он такой. Откуда он знает про ритуалы? Почему его не удивляет эта магия – магия Танука?

«Откуда ты?» – еле различимые слова эхом разнеслись по пустой комнате.

Пленник склонился ниже, его пальцы очертили мою скулу и снова опустились к губам. Они будто манили его. Стерев капельку крови, он поднёс ладонь к своему лицу и втянул в себя воздух.

– Розы, – негромко произнёс он, – я знал, что ты будешь пахнуть именно так. А ты слышишь мой запах, Сонья?

Ответить я не успела.

В коридоре раздались чьи-то шаркающие шаги.

Дёрнувшись в попытке подняться, поняла, что мужчина удерживает, стискивая мои плечи.

«Пусти!»

Но он сделал вид, что не услышал. Резко сдвинув меня к стене, северянин набросил на мои ноги тряпку, что служила ему покрывалом, и лёг рядом набок, скрывая меня своим могучим телом от посторонних глаз. Кто-то медленно прошёлся по коридору и замер у закрытых, но не на замок, дверей в камеру. Ключ от них покоился в моём кармане.

Я не знала, кто там. Послушница или жрица.

Несколько мгновений царил тишина, а затем раздался жуткий хрип: кто-то словно врезался в клетку.

Женский испуганный визг, в котором я опознала Тлару. Шаркающие шаги и хрипы заражённого.

Светла была права. У нас мертвяк. Мне и видеть его ненужно было, достаточно звуков.

«Мне нужно уходить» – выдавила я из себя.

– Нет, – рыкнул северянин, – я не отпущу тебя. Ты останешься здесь.

В соседней камере продолжал буянить пленник. В коридоре снова послышались шаги.

– Убить его, – чёткий приказ Верховной заставил меня вздрогнуть.

Подняв руку, северянин положил её на мою голову и прижал к своей груди. Он держал меня так, чтобы я ничего не слышала. Но всё равно через его ладонь до моего слуха доносился жуткий вой и хрип. Всмотриваясь в тени на потолке, я отчётливо понимала, что у жриц острые вилы.

Зажмурившись, повернула голову на бок и уткнулась носом в его шею.

– Всё хорошо, – еле слышно прошептал он. – Пленник уже не живой. Туман добрался до этого бедолаги. Видимо, он был ранен, и яд тихо распространялся по его телу. Это нестрашная смерть. Она лёгкая.

– Ты должен отпустить меня, – прохрипела я. – Если найдут – забьют тебя.

– Не найдут, – выдохнул он мне на ухо, – ты останешься рядом со мной, а завтра утром наша жизнь изменится.

В коридоре раздался последний истошный вой и всё стихло.

Послышался лязг решётки, и звук открывающейся двери. Тело мертвяка потащили по коридору. Странно, что этим занимались жрицы, а не послушницы. Хотя Верховной редко было дело до того, кто стоит перед ней.

– Проверить остальных пленных. Кто сегодня разносил им ужин? – заскрипел её старческий голос.

– Эта паршивка Сонья, – тут же послышался ответ.

Тлара, её я не узнать не могла. Сколько же яда в глухом голосе.

– Тарелка на полу, – подметил кто-то, – значит, просто поставила.

– Где послушница? – рявкнула Верховная.

Я не знала, кому был адресован этот вопрос.

– Ушла, – негромко ответил Счастливчик. – Раздала тарелки и спустилась.

Я выдохнула. Всё-таки хороший он человек.

– Северянин, – раздалось за нашими спинами, – ты там не сдох?

– Я?! – мужчина, что закрывал меня своим телом, хохотнул. – Я-то нет, а вот ты почти да.

– Что ты несёшь, выродок, – старая карга начинала злиться.

– Считай это пророчеством, – усмехнулся он, – ушла ваша немая красавица. А жаль, я был бы не против познакомиться с ней поближе.

– Познакомишься, – прокаркала Верховная. – Она понесёт от тебя. Это будет сильная девочка. Такая, какая и нужна.

– И не сомневайся, – прорычал северянин. – Но ты её не увидишь.

Я отчётливо слышала гневное сопение жриц.

В какой-то момент возникла мысль, что они дёрнут дверь и поймут, что она открыта. Но нет. Они оказались для этого слишком трусливы.

Наконец, коридор огласил звук отдаляющихся шагов.

– Ну вот, вишенка, и нет проблем, – северянин усмехнулся. Я же попыталась сесть, но он не позволил. – Нет, Сонья, ты будешь лежать рядом со мной. Я не выпущу тебя отсюда.

Его слова напугали. Кажется, он был серьёзен.

– Мне нужно в свою комнату, – закашлявшись, не успела прикрыть рот рукой. Густые красные капельки крови упали на его тёмную рубаху. На ткани расплылись пятна. Резко уложив меня на спину, северянин навис надо мной, всматриваясь в моё лицо.

– Закрой глаза, моя нежная девочка.

– Зачем? – шепнула я губами.

– Чтобы не бояться, – он улыбнулся, но как-то сжато. – Я уберу эту «печать», боли больше не будет, Сонья.

Ничего не понимая, я зажмурилась и тут же ощутила прикосновение его губ к своим.

Было ли это неправильно?

Я не знала.

Мне никто никогда не рассказывал о том, какие отношения могут быть между мужчиной и женщиной, но я видела, что происходило на алтаре.

Пугало ли это меня?

Нет! Лучше сейчас, этой ночью, отдать свою неповинность ему на узкой койке, чем потом на алтаре.

Расслабившись, я пыталась впитать в себя его нежность. Его губы, мягко дразнясь, пле-няли. Чужой язык приласкал мой. Рвано выдохнув, я вскинула руки и, обняв мужчину за шею, зарылась пальцами в его волосы.

– Ты даже не пытаешься оттолкнуть меня, – прошептал он.

Улыбнувшись, я покачала головой.

– Ты пахнешь счастьем, – удивительно, но эти слова хоть и звучали тихо, но боли мне не принесли. Распахнув глаза, я онемела от ужаса.

На меня смотрела сама тьма.

Тень, чёрная. Она вглядывалась в меня, расплываясь туманом.

– Я же говорил, не смотри, Соня.

Задрожав, я толкнула его, но он лишь сильнее прижал к себе моё тело.

Тьма отступила, будто впиталась в его кожу. На меня снова смотрел северянин.

– Что ты такое? – выдохнула я, чуть запинаясь.

– Я твой избранный, прими меня таким, какой я есть.

Подняв руку, он прошёлся подушечками пальцев по моим губам.

Вздвогнув, я крепко зажмурила глаза.

– Нет, я не стану пользоваться твоей беспомощностью, – выдохнул он, – но и отпустить не смогу. Ты останешься этой ночью рядом со мной.

Глава 15

Нет, северянин не шутил. В комнате стремительно темнело, а мы так и лежали на узкой твёрдой койке. Вглядываясь в моё лицо, пленник постоянно улыбался, но при этом его глаза оставались холодными и жестокими. Словно лёд.

Это настораживало и сбивало с толку.

– Как вас зовут? – прохрипела я.

Горло саднило, но мой шёпот легко можно было разобрать.

– Я рад, что ты, наконец, спросила меня об этом. Значит, начинаю быть тебе интересным. Я вардиган Лассе Бессон, правитель этих земель. Этот храм теперь часть нового вардана клана Бессон, но так уж получилось, что хоть я и прихожусь правнуком жрицы Танука, но бога не почитаю. Я служу Стуже, как и любой Иной. Так что храму здесь не место, как и всему, что связано с проклятым богом. Надеюсь, я тебя хоть немного, но впечатлил, – слегка склонив голову, произнёс он.

Впечатлил, и не то слово, но верить ли ему?!

Слишком много в этом храме безумцев, и я знаю, как порой правдоподобно звучат их слова. Потому как они сами верят в тот бред, что срывается с их уст.

Но Лассе?..

Мне нравилось, как звучит его имя. Мягкое, и не подумаешь, что принадлежит оно такому огромному сильному воину.

Лассе... Я улыбнулась и тут же нахмурилась, взглянув на его шею.

– Если я сниму ошейник, вы сможете сбежать? – протянув руку, я коснулась исчерченного рунами металлического кольца. Он слабо засветился, что уже было странным.

– Я сам его сниму, – усмехнулся пленник, – но для этого мне нужно ещё немного времени. Совсем чуть-чуть.

Внизу под окнами что-то загремело, и послышались голоса.

Поднявшись, северянин подошёл к оконному проёму и замер за кем-то наблюдая.

– Она сбежала! – завопила кто-то из жриц. – Сонья нет в комнате.

Осознав услышанное, я вскочила и быстро вынула ключ из кармана. Не успел северянин обернуться, как я стремительно понеслась к решётке.

Щелчок, и я провернула ключ, оставляя мужчину внутри. Одного.

– Сонья, – крикнув мне вдогонку, Лассе ухватился за прутья решётки и с силой дёрнул её. – Вернись немедленно, девочка. Не зли меня.

Покачав головой, сжала руки в кулаки. Он продолжал выламывать дверь, сверху сыпались куски глины.

– Они поднимут всех послушниц и заставят искать, – попыталась объяснить, но, закалившись, вновь увидела брызги крови. – Я должна вернуться в комнату. Должна, Лассе! Ради спокойствия и безопасности остальных.

За моей спиной послышались громкие шаги. Дверь, ведущая на верхний ярус, скрипнула, и кто-то резко ухватил меня за руку.

Развернувшись, я встретила взглядом со Светлой. Прижав палец к губам, она потащила меня вниз.

– Сонья, вернись!!! – голос северянина сотрясал стены.

Казалось, он бился в камере от бессилия.

Спустившись на первый этаж, Светла провела меня через левое крыло. Пока мы шагали мимо тёмных комнат, я успела успокоиться. Ухватившись за ручку двери, Светла впиалась в меня взглядом.

– Скажем, что была у тебя? – произнесла я губами.

Она уверенно кивнула. Дружба между послушницами не поощрялась, но и не наказывалась.

Выйдя из храма через чёрный выход, мы поспешили к жрицам, которые, громко стуча по железной тарелке, поднимали на уши весь храм. Заметя меня, звон прекратили.

Подняв голову, я заметила в окне северянина с перекошенным гневом лицом. Ошейник на его шее горел алым пламенем. Руки до того крепко сжимали раму, что вниз посыпались мелкие камешки.

– Где ты была? – холодно поинтересовалась Верховная.

Светла открыла было рот, но карга жестом приказала ей отойти.

«У Светлы, – чётко произнесла я губами, – я узнала, что случилось с пленным и расстроилась».

– Доброта, – сплюнула старуха, – когда только ты поймёшь, что это самое жалкое и глупое чувство.

Стоя на месте, я невольно бросала взгляд наверх. Тот, кто назвал себя хозяином этих земель, следил за каждым нашим движением и ловил каждое слово.

Нежность?! Теперь я думала, что мне она привиделась. Нет, этот мужчина словно ледяной: жёсткий, колючий.

И мне было страшно. Таким Лассе меня пугал даже больше, чем Верховная и Туман.

– Ну что мне делать с тобой, Сонья? – Верховная обошла меня по кругу. – Последние дни ты ведёшь себя просто отвратительно. Дерзишь и кидаешься на жриц, на тех, кто кормит тебя и заботится о тебе.

Услышав такое, я не сдержалась и хрюкнула со смеху. Это не осталось незамеченным. Верховная остановилась.

– Розги не помогают. Работы на нижнем ярусе тоже. Упрямая. Как же тебя вразумить, лютая? Может выгнать из храма? Поживёшь на улице, проголодаешься да и поймёшь, что была неправа.

Я тихо сглотнула. Пару раз я уже оставалась на ночь за дверями храма. Холод и голод здесь не самое страшное, ведь часто захаживают и мёртвые. А ночь – это их время.

И тени...

– Да, так мы и поступим, – Верховная усмехнулась, – привязать её к столбу!

Повторять ей не пришлось, жрицы, схватив меня, скрутили руки и потащили к ненавистному куску подгнившего дерева, что стоял посреди двора между воротами в храм и кромкой воды.

– Я надеюсь, этой ночью ты обдумаешь своё поведение, Сонья, и вспомнишь, кто твоя семья и что другой у тебя никогда не было и не будет.

Я засмеялась. Эта старая жаба так и не поняла, что «печать забвения» не сработала, и я прекрасно в деталях помню, как умирал мой отец и в чьих руках был факел.

– Когда-нибудь я расскажу тебе о том, что такое семья, – чётко хрипя и плюясь собственной кровью, выдавила из себя я и расплылась в немного безумной улыбке.

– Голос вернулся, – оскалилась верховная карга, – ну ничего, это я исправлю. Завтра с утра в туман её, пусть делает то, что положено. Вернётся без улова – выпороть! А вечером мы подправим твой голос.

Развернувшись, карга величественно удалилась в храм.

Я не сопротивлялась, когда на мне проверяли крепость веревок. Молчала, когда Тлара зашла мне за спину.

– Не смей, – раздался рычащий полный ненависти и злобы крик сверху. Вскинув голову, я увидела северянина. Только на себя он не был похож – в окне застыла чёрная тень, и только ошейник сдерживал её, просто пылая алым светом.

Тень клубилась и меняла форму.

– Что он такое? – испугались жрицы и, не сговариваясь, отошли от меня на шаг.

– Не знаю, – Тлара и вовсе отбежала подальше, – Верховная сказала, что он для Сони и никому лучше к нему не приближаться.

Женщины переглянулись, а потом разом уставились на меня. Первый раз в их глазах я заметила что-то отдалённо напоминающее жалость.

Но нет, развернувшись, они спешно забежали в храм, оставляя меня снаружи на всю ночь.

Оставалась надежда на послушниц. Когда подземелье закроется, может, им удастся выручить меня.

Глава 16

Холодало. С воды потянулась белесая дымка, устилающая землю и скрывая под собой увядшую почерневшую траву. Скрипели деревья. Порывы пронзительного ветра гнули толстые ветви.

Всплески воды настораживали и вынуждали постоянно оглядываться на чернеющую во тьме воду.

Страшно.

Чтобы отвлечь себя, я вспоминала рассказы отца о том, какой бывает зима и лето, как солнце играет в кронах деревьев. А порой с неба падают капли воды.

Дождь. Облака. Чистое синее небо.

Пустые для меня слова. Я не могла себе представить всего этого.

– Соня, – голос северянина вывел меня из тяжелых воспоминаний, – никогда больше не смей так делать. Ты должна слушаться меня и подчиняться.

Вскинув голову, я уставилась на него. Подчиняться! Это слово снова выбило меня из равновесия.

– Я не хочу никому подчиняться! Понимаешь?! – мой хрип причинял мне боль, но молчать было страшнее. – Я хочу узнать, что такое свобода. И ты не отберешь её у меня. Снег, какой он? Что такое метель? Я хочу увидеть это, потрогать и ощутить себя действительно живой. А вы отнимаете у меня это... Вы все! Ломаете. Приказываете быть невольницей.

Устав сопротивляться тяжести в ногах, я опустила на колени, руки затекли от неудобного положения, но я ничего не могла с этим поделать.

Только терпеть.

Темнота становилась всё гуще. В комнатах послушниц зажигались лучины, они ставили их на подоконник, освещая пространство перед храмом.

Никто не выйдет, им запретили.

Я потеряла всякую надежду провести эту ночь за надежными стенами.

Северянин молчал, но не сводил с меня глаз. Я видела, как ярко в них горят лиловые огоньки.

Да отец часто говорил о таких, как он. Варды. Иные. Сильные воины севера, в чьей крови кипит магия.

Склонив голову на плечо, я закрыла глаза. Холод пробирал до костей.

– Соня, не спи, – слышалось сверху, – потерпи немного, слышишь. Сейчас будет одеяло. А потом я сниму этот ошейник, Стужа его дерит.

– Не нужно, – прохрипела я. – Я много раз ночевала вот так. Главное, чтобы мертвые не пришли. Мертвые – это страшно.

Кровь стекала по моему подбородку и капала вниз на серый подол платья. Представив, что завтра у меня снова отберут голос, сжалась от страха. Я не хотела снова умолкнуть.

В ночи вспыхнула оранжевым светом полоса – ошейник. Иной пытался снять его.

– Соня, потерпи, – прорычал он.

Дверь в храм тихо скрипнула, кто-то шел ко мне, держа перед собой факел. Фигура Иного замерла в окне, тяжелая цепь ударила о подоконник.

– Светла? – шепнула я, но ошиблась.

Передо мной стояла безумная Смэка. Раскачиваясь, как тростинка на ветру, она бросила факел на землю. Огонек встрепенулся, но не погас. На мои плечи легло теплое одеяло, ещё одно она подсунула под мои колени.

– Смэка, тебя кто-то прислал? – шепнула я, но послушница меня не слышала, она находилась в своем особенном мире. С каждым днем она всё меньше осознавала, что происходит вокруг нее.

– Кто тебя прислал? – повторила я вопрос. – Кто сказал принести одеяла?

– Папа, – выдавила она из себя еле слышный шепот.

– Папа? – не поняла я.

– Мой папа, – повторила девушка и, развернувшись, подобрала факел и отправилась в храм, оставляя меня гадать, насколько глубоко её безумие.

Сидя закутанная в одеяла, тихо отогревалась.

– Сонья, – голос иного стал спокойнее.

– Она уже не понимает, где реальность, – выдохнула я. – Мы все потерялись в этом тумане. Потеряли голос, себя, память. Многие даже имена.

– Я это знаю, но всё изменится завтра. Я обещаю тебе.

Улыбнувшись, я попыталась устроиться поудобнее.

– Расскажи мне о снеге, северянин. Какой он? – мне было страшно, но его голос немного успокаивал. Слыша его, я понимала, что не одна.

– Лассе, – донеслось до меня, – для тебя я Лассе. Снег? Мой дядя часто рассказывал, как однажды вез в телеге маленькую худенькую седовласую девушку. Она пришла из Тумана. Огромными голубыми глазами она смотрела на мир Севера и радовалась всему. А когда с неба повалил густой снег, девушка ловила крупные снежинки и рассматривала их рисунок. Снег, Сонья, он пушистый и мокрый. Холодный, а порой бывает, что теплый. Когда с неба сыплет большими хлопьями, то становится теплее. Всегда. Снег бывает колючим, когда ветер бросает в лицо крохотные льдинки.

Закрыв глаза, я попыталась представить себе снег, но видела почему-то ту девушку.

– А что с ней случилось?

– С кем? – не понял он.

– С седовласой девушкой? Если она из тумана, то послушница, так ведь?

– Она стала избранной вардигана, его любимой женой и родила троих детей.

– Детей, – протянула я медленно. – Об этом можно только мечтать.

– Она и мечтала, Сонья. Годами сидя в подземельях гурон надеялась и верила.

– Откуда тебе знать? – я ощутила некий подвох в его словах.

– Эта послушница с седыми волосами моя мать. И у меня её глаза. И я знаю, Сонья, что ты пережила. Знаю, поверь. И обещаю, завтра всё изменится навсегда.

– Завтра, Лассе, я уплыву в туман, – я покосилась в сторону воды, – и моя жизнь уже никогда не изменится.

– Нет, ты никуда не поплывешь.

– Они заставят, – вздохнула я обреченно.

– Значит, молча, сядешь в лодку и будешь держаться у самого берега.

Я лишь кивнула ему.

Поверила ли?

Нет.

Это всего лишь форма безумия. Отец тоже обещал увезти меня из тумана, но... Мои мысли запнулись об боль. Опустив взгляд, я погрузилась в собственные мысли. Северянин что-то спрашивал, но я не слушала.

Это больно. Верить и надеяться – это глупо.

Всё что остается послушницам храма – это выживать.

Незаметно меня сморил беспокойный поверхностный сон, в котором я снова сидела у дверей в землянку и смотрела, как мой отец разжигает небольшой костер и ставит котелок

с водой. В его руках появляется мешочек со сморщенными ягодами шиповника. По поляне растекается неповторимый запах ягодного чая.

Вдыхая, я почувствовала этот аромат.

Иногда просыпаясь от боли и холода, я поднимала взгляд на окно и видела северянина. Он, не переставая, пытался сорвать с себя ошейник. Раньше я считала, что это и вовсе невозможно, но глядя, как металлическое кольцо болтается на могучей шее, начинала верить в обратное.

Уже в предрассветных сумерках сон окончательно одолел мой разум.

Лассе всё также сидел на окне и рассказывал о чем-то. Его голос успокаивал, а одеяла, что дала мне Смэка, хоть немного, но грели.

– Ещё немного, Сонья. Стужа меня дерит, они ответят мне за тебя. Ни одна из них не уйдет отсюда живой. Ещё немного...

Это последнее, что я услышала, уплывая в беспамятство.

Глава 17

– А ну, вставай, развалилась тут, – противно прогорланил кто-то рядом, и меня окатили холодной речной водой. – Узнаю, кто одеяла вынес, высеку лично.

Распахнув глаза, я уставилась на сгорбленную жрицу. Её имя постоянно вылетало из моей головы. Слишком сложным было. Её привезли к нам не так уж и давно, но освоилась женщина быстро. По углам шептались, что она неугодная старшая дочь князя этих земель. Замок их поглощён туманом, а род давно уже проклят.

Поглядывая на эту гадюку, я охотно в это верила.

Никто на неё не позарился из-за искривлённой спины и чтобы не давать за дочь большого приданого, папаша просто отправил её в храм.

Тот, что подальше всех будет.

Вот, что я слышала. Но глядя на эту вечно злую и всем недовольную женщину, я особо не верила в то, что она жертва отцовского произвола. Ведь князь мог оставить её при себе. Жрицы часто об этом шушукались и глумились над ней, припоминая, что нередко старшие дочери, оставаясь незамужними, живут с родителями и скрашивают их старость. А её выслали куда подальше.

– Что ты зыркаешь на меня, убогая? – прорычала она противным гнусавым голосом. – Завтрак тебе не положен. Пошла вон к лодкам. Чтобы тебя тени пожрали, собачий ты выродок.

Схватив моё запястье, она перерезала ножом верёвки. Прижав к себе ладони, я, не удержавшись, застонала от боли. За ночь они так затекли, что даже шевелить посиневшими пальцами было невозможно.

– Не придуривайся, – прорычала жрица, – пошла в лодку!

– Сделай всем хорошо, убогая, – прошипела я зло, – сигани с разбегу на алтарь. Дохлой ты поинтереснее будешь. И всем милее.

– Ах, ты заморыш! – она резко замахнулась, а я приготовилась к удару. Сжалась и прикрыла голову. Руки пылали огнём. Кровь снова прилила к пальцам, и это доставляло столько муки, что хотелось рыдать.

– Не смей!!! – пространство разрубил мужской рык. – Только тронь её, и я тебе своими руками пасть порву.

В окне второго яруса стоял Лассе. Его тело, то обращалось в чёрный туман, то приходило в норму. Он всё ещё был в ошейнике.

– Ты забыл своё место! – окрысилась жрица. – Тебе на него быстро укажут.

Северянин рассмеялся, и только-то.

– Я тебя лично убивать буду, тварюшка, – весело пообещал он, только в глазах его я видела лютое бешенство. – Но это позже. А сейчас, Сонья, иди в лодку. И помни: от берега далеко не уплывай. Пережди там, и я тебя быстро верну.

Я призадумалась.

Верить ли ему?

Это было важно, потому как если я останусь у берега, то точно вернусь пустая, и меня выпорют. Жалеть не станут, так как это прямой приказ Верховной. Места живого на теле не оставят, а у меня только спина зажила.

Подняв голову, я ещё раз взглянула на северянина.

– Всё будет хорошо, – он медленно кивнул, – через какой-то час всё изменится. Я верну тебя, и ты никогда больше туда не поплывёшь.

– Ещё один чокнутый, – сплюнула жрица, – но ничего, нам от него только семя и нужно. Чтобы плодились вы получше, и девчонки покрепче были. Вы же, послушницы, как мухи дохнете, толку от вас, что от жуков навозных.

Ничего ей не говоря, я обречённо поплелась к своей лодке. Трясущимися руками ухватилась за борт и забралась внутрь. Сев на банку, морщась от боли, взяла короткое широкое весло и попыталась оттолкнуться от берега.

– Совсем ополоумела, – услышала я всё тот же гнусавый голос, – а отвязать?! Тупая скотина, как и все вы.

Жрица веселилась за мой счёт.

Уперев руки в широкие бока, женщина, не скрывая удовольствие, наблюдала, как я, кряхтя, неуклюже выбираюсь из лодки. У меня руки и ноги судорогой сводило. Выть хотелось в голос.

Вцепившись в верёвку, дёрнула её в глупой надежде сорвать петлю со столбика. Ничего не выходило. В какой-то момент и вовсе оступилась, нога поехала, и я оказалась сидящей в воде по пояс.

Жрица расхохоталась. Смешно ей было.

– Тебе не жить, тварь, – раздалось спокойное со второго этажа храма. Лассе наблюдал за мной со звериным выражением лица. – Всем вам не жить. Я принимаю твои условия, Сонья, и с превеликим удовольствием сделаю то, о чём ты меня попросила. Сделаю это так, как ты скажешь. А сейчас вставай, ты девочка сильная, и помни – немного осталось. Скоро всё это закончится.

Жрица расхохоталась ещё сильнее.

А я вдруг поняла, что ошейник на шее Иного практически не горит. Никогда прежде такого не было, но сейчас он выглядел как простой кусок железа. Поднявшись, увязая в илистом скользком дне, я добралась до столбика и, немного помучившись, отвязала лодку. Снова забралась в неё и вцепилась в весло.

Мне вдруг очень захотелось верить, что слова северянина не просто бред умалишённого, а настоящие обещания. Его ошейник практически погас.

– Не заплывай далеко. Находишься там, где можно услышать крик с берега, – громко произнёс он, – я приду за тобой. Веришь?

Не задумываясь, кивнула и, оттолкнувшись от берега, медленно поплыла.

Работая веслом, я скрылась за туманной дымкой.

Руки крутило и выворачивало. Казалось, боль становилась только сильнее и не желала отступать. Замерев, я позволила себе немного отдыха. Вынув из воды весло, неловко уложила его на дно лодки и улеглась рядом.

Какая тут охота. Я даже снасть в воду закинуть не смогу.

Меня сильно трясло. Знобило так, что зуб на зуб не попадал. Всматриваясь перед собой, видела только белёсый густой туман.

Клонило в сон.

Волны мягко разбивались о лодку, раскачивая её.

Надо мной где-то рядом громко кричала птица.

Всплеск и ещё один. Необычные звуки, размеренные.

Будто гребёт кто.

Снова поднявшись, я устроилась на лавке и всмотрелась в туман.

Лодки. Довольно далеко от меня, но их очертания я чётко видела.

Мёртвые?

Вполне возможно, но почему они так близко от храма?

Сидя на банке, я разминала непослушные руки, ощущая неясный страх и тревогу.

Из головы не выходил северянин.

Что же всё-таки означали его слова?

Лепет сумасшедшего или он, правда, верит в то, что говорит.

Я могла бы помочь ему бежать. Сорвать ошейник можно, хотя это требует колоссальных магических затрат.

Сорвать, но не опустошить. А его ошейник не светился. Я воскрешала перед собой образ пленного в окне. Нет, на его шее висело широкое металлическое кольцо.

Но как?

Какой силой нужно обладать, чтобы поглотить из него энергию. Кто на такое способен? «Пожиратель!»

Это слово вспышкой мелькнуло в моей голове. В одном из свитков в библиотеке ещё девочкой я прочитала о магах, что способны поглотить чужой дар.

«Я уберу эту „печать“, боли больше не будет» – мысленно повторила я его слова.

И ведь действительно, после его поцелуя мой голос стал громче, а боль хоть и осталась, но не высушивала горло.

– Он пожиратель!!! – сжав руками голову, я проводила взглядом последнюю лодку, правда, так и не поняла, кто в ней.

В моей голове сложилась картинка. И от понимания того, в чьих объятьях я лежала, мне стало дурно. Пожиратели питаются чужим светом, поглощают магию, вытягивая её из души своей жертвы.

Неужели он такой?

А Верховная? Разве могла она не понять, кого ведёт в храм. Наверное, могла, ведь в тот момент, когда его высадили из лодки, ошейник ярко пылал, наполненный магией подчинения.

Что она задумала? Древняя падаль. Чувство вседозволенности в ней разыграло, совсем забыла, что такое страх.

Не зря мне казалось странным, что такой мощный мужчина и вдруг был пленён женщинами.

Поддался!

Иного ответа у меня не было.

– Зачем ты пришёл в этот храм? – беззвучно шепнула я. – Что забыл в этих проклятых туманных землях?

Глава 18

Из недолгих раздумий меня вывел лёгкий всплеск.

Моргнув, я всмотрелась в зеркальную водную гладь. Может, крупная рыба какая, так хоть с каким-никаким уловом вернусь. Но вспомнив, как тащила последнего чешуйчатого гиганта, содрогнулась и растёрла ноющие ладони. Многочисленные порезы на них хоть и зарубцевались, но всё равно страшно щипали.

Вновь громкий всплеск, только уже ближе.

Подобравшись, я опустила руку и схватила весло.

Над поваленными деревьями промелькнула безмолвная серая тень.

Не к добру это!

Что-то мягко ударило об рыбацкую лодку. Один раз, второй...

Может, деревяшка какая незаметно подплыла.

Несмотря на эту мысль, руки мои задрожали сильнее. Удерживая весло, я осторожно придвинулась к тому борту, за которым раздавались мягкие удары и, слегка перегнувшись, посмотрела на воду. Она глядела на меня в ответ мутными затянутыми мёртвой пеленой глазами утопленника.

Живого утопленника.

Мертвяк разинул рот и высунул почерневший разбухший язык.

Сидя в оцепенении, я не понимала, что мне делать и как заставить себя пошевелиться. Тело окоченело, и я впала в ступор.

Ходячий мертвец поднял руки и вцепился в борт лодки.

С диким ужасом я разглядывала посиневшие пальцы, с которых белыми лоскутами свисала кожа. Высунув из воды голову, умертвие зарычало. Этот звук сопровождался бульканьем выходящей из его пасти мутной грязной жидкости.

Это и привело меня в чувства.

Неуклюже соскочив с банки, я размахнулась коротким веслом и ударила утопленника по бледным пальцам.

Раз, другой, третий.

Но неупокоенный, казалось, не замечал этого, подтягиваясь, он пытался забраться в лодку. Я даже не соображала мужчина передо мной или женщина. Отчего-то сейчас меня занимал именно этот вопрос. Судя по тряпке, что свешивалась с разбухших безобразных плеч, всё же женщина. Слипшиеся волосы на голове частично отсутствовали, оголяя череп.

Ударив покойницу снова, случайно задела её лицо. Кожа тут же слезла пластом, обнажая мышцы. Дёрнувшись от омерзения, я поняла, что делаю не так: размахнувшись, что есть сил ударила веслом по голове мертвяка.

К моему ужасу, раздался громкий страшный треск ломающейся кости, и тело осталось обезглавленным.

Открывая рот в хриплом безумном крике, выплюнула кровь, скопившуюся во рту. Пальцы утопленницы медленно разжались, и она плавно ушла под мутную воду.

А я продолжала стоять с веслом в руках и дёргаться в истерических конвульсиях. Меня тошнило и никак не отпускало. Казалось, вот-вот мёртвая снова всплывёт.

Всплеск справа. Сквозь жёлто-синий туман проступили затопленные голые мёртвые деревья. Лодка сильно качнулась, вынудив меня сесть. Течение неторопливо потащило моё судёнышко в сторону.

Поднялся странный ветер. Он дул с разных сторон, и казалось, что я нахожусь в центре воздушного вихря.

Разгулялись волны.

Лодку потянуло вперед, словно на буксире. Я столько лет плавала в этих водах и ещё ни разу такого не видела.

Мой страх набирал обороты.

С разных сторон раздавались всплески. Создавалось впечатление, что что-то или кто-то падает в воду с многочисленных островков, скрытых в вязком тумане. Сжавшись, я попыталась грести обратно к храму, но всё было бесполезно.

Меня крутило на месте и тащило дальше.

Всматриваясь в марево, я вдруг заметила всплывшую на водную поверхность лысую голову. Ко мне, нелепо размахивая руками, плыло умертвие. Чуть поодаль от него приметила ещё одно.

Подняв трясущуюся ладонь, поднесла её ко рту. Ещё никогда я не испытывала такого оглушающего ужаса.

Порыв ветра ударил в спину, я различила странный звук похожий на женские крики. Будто где-то далеко одновременно, но невпопад кричат десятки женщин. Этот ор доносился до меня со всех сторон разом.

Жрицы!

Я определённо слышала их голоса. Визжащие в припадке, о чём-то умоляющие. И вдруг всё стихло. Стало жутко тихо. Ни шорохов, ни голосов. Даже ветер взял паузу, добывая меня.

Не выдержав, я расплакалась.

Утирая одной рукой градом скатывающиеся жгучие слёзы, второй – сжимала весло. Кажется, если я выпущу его, то всё – туман придёт за мной.

Темнело, но ведь сейчас утро!

Я не понимала происходящего. Не знала, куда грести и кого звать?

Чудилось, будто сам туман взбунтовался и ожил.

И причин тому я не находила.

Лодку всё несло вперёд. Наконец, она натолкнулась на что-то твёрдое.

Берег?!

Туман расступился, и я поняла, что нахожусь на странном острове.

На совсем крошечном участке суши обнаружили обломки старого храма. Он смотрел на меня пустыми глазницами окон.

За спиной снова раздался громкий всплеск.

Мёртвые!!!

Их было так много. Понимая, что смерть идёт за мной, буквально разгребая воду руками, я выскочила из лодки и понеслась к древним камням. В руке всё так же сжимала весло. Оно мешало мне передвигаться, задевало за землю и цеплялось за ветки мёртвых низких деревьев, но я не выпускала его.

Как будто оно способно меня спасти.

Но как только я добралась до белоснежных камней – обломков стен, то поняла, что придётся карабкаться вверх и быстро. Ноги болели после ночи, проведённой на холодной земле. Рук я просто не чувствовала. Только дикое желание дышать и сохранить свою душу заставляло меня двигаться.

Мне бы смириться с судьбой... Но бросить весло я не смогла.

Жить хотелось как никогда до этого.

Зарывав, словно раненый зверь, я лихорадочно соображала, что делать. Оторвав от линялого старенького протёртого подола платья полосу ткани, привязала, как смогла весло к руке.

Это было ужасно неудобно, но я карабкалась по руинам с ним.

Поставив ногу на очередной уступ, подтянулась вверх. Потом ещё выше. Цепляясь на выемки, я забиралась на крышу. Очередной рывок и моя стопа соскользнула. Не удержавшись, я поехала вниз.

Паника. Я вообще перестала соображать, что делаю.

Голова словно отключилась. Ухватившись рукой за прогнившую деревянную балку, остановила падение. Пальцы обожгло болью. Ударившись подбородком об выступ, клацнула зубами, прикусывая язык.

Перед глазами расплылись красные круги. Дезориентированная, я даже вдох не могла сделать. Словно забыла, как дышать.

Но время, оно уходило.

Рвано выдохнув, зажмурилась и спустя пару мгновений снова полезла наверх.

Куда? Сама не понимала.

И главное, зачем?

Кто меня здесь искать будет?

Была одна надежда, что мёртвые потеряют меня из виду.

Обернувшись, я заметила, как неупокоенные медленно вылезают из воды.

Их оказалось куда больше, чем мне думалось.

Глава 19

С трудом забравшись на верхние перекладины, на которых некогда держалась обрушившаяся крыша, озиралась.

Голые деревья с почерневшими, покрытыми зелёными водорослями и мхом стволами. Скрюченные, изогнутые под нелепыми углами ветви опускались до самой воды. Подо мной покоились частично вросшие в илистую вязкую землю белые камни-блоки.

Я никогда не слышала, чтобы кто-то хотя бы вскользь упоминал старый разрушенный храм.

Чтобы хоть одна живая душа видела его.

Неужели никто ни разу не прибывался к этому берегу, остров-то приметный. Большой.

Дымно-синий туман скрывал от меня часть суши. Что там – я не понимала. Но сердце кололо предчувствие.

Нет!

Скорее отчётливое понимание, что мне всё здесь не ново.

Древний храм пугал до дрожи. До одури. Закрывая глаза, я будто слышала песнопения и стоны агонии. Треск костров. Крики воронья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.